

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 29 • октябрь • 1987

— Вот ты и убит, Ленский, почитай-ка рецензию...

Рисунок
Е. ШУКАЕВА.

В НОМЕРЕ

ПОЧЕМУ ТИХО НА ХЛЕБНОЙ НИВЕ?

стр. 3.

ЗАЛП ПО РАСТОЧИТЕЛЬСТВУ

стр. 8—9.

«Он съел немало политических противников и даже единственного в стране профессора математики...»

ИСТОРИЯ БОКАССЫ ПЕРВОГО (И ПОСЛЕДНЕГО)

стр. 10—11.

«ОТЧЕГО КИСЛЯТ ПЛОДЫ?»

ГРУСТНАЯ УЛЫБКА
КИНОКРИТИКА

стр. 12.

В НОМЕРЕ

СРОЧНО ГРУЗИТЕ, А ТО!..

ректора Тернопольского комбайнового завода тов. Бондаренко, но в конце телеграммы не выдерживает этикета и прибегает к прямой угрозе: — В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ ВЫНУЖДЕНЫ ПРИМЕНИТЬ ШТРАФНЫЕ САНКЦИИ... Вы поняли — контролеров будут штрафовать...

«...БРАКУЕМ ПОЛКИ ПОД ТЕЛЕФОН, — мрачно констатирует тов. Малыгина, работник Липецкой конторы Росхозторга, и требует: — ОБЕСПЕЧИТЬ ТЕХДОКУМЕНТАЦИЕЙ». Контролеры должны обеспечить...

Получая такие телеграфные тексты со всех концов страны, растерянно чувствую темя городские дозорные Ельца, предприятия которого кому-то что-то вовремя не отгружают: не поставляют, не обеспечивают... И не на шутку озадачены строгие контролеры, нервничают закаленные стражи, трепещут надежные заслоны, чувствуя себя вконец виноватыми, что не отгрузили они чего-то, не поставили в срок, не надели и не заготовили, не пошили и не сконструировали... И лихорадочно сообщают, как им в этой стрессовой ситуации поступить: может, и вправду бросить все свои прямые контролерские дела и начать срочно (как того и требуют грозные «депеш») отгружать, поставлять и обеспечивать? А то ведь и вправду, того гляди, оштрафуют...

И потерявший всякое человеческое терпение, слезно взывает к Крокодилу председатель Елецкого горкома народного контроля Е. Демченко: «...Ведь эти телеграммы руководители предприятий не имеют никакого отношения к деятельности органов народного контроля!»

Да, прав председатель, не имеют. С одной стороны. А если взглянуть с другой — еще как имеют. Ведь о чем говорят эти телеграммы? А о том, что налицо попытка переложить свою работу на чужие плечи — плечи народных контролеров.

А это уже прямой ущерб хозяйству в целом. И значит, не менее прямой повод для внимания органов народного контроля. Который, как мы с вами выучили назубок, — страж наших общих, государственных интересов.

Гр. КРОШИН.

Сначала вопрос читателю: как вы думаете, чем занимаются народные контролеры? Чувствую, так и тянет назубок выпалить: народные контролеры, мол, — это надзор за тем, чтоб ни один грамм народного добра не ушел «налево», это заслон хищениям, страж наших общих, государственных интересов и так далее. Недаром их зовут дозорными. И вообще смешной вопрос: чем занимаются? Каждому ясно.

Правильно, каждому. Хотя... То есть в общем-то и целом ясно, а в частности... Вот факт из читательской почты. Чем, к примеру, заняты вполне конкретные народные контролеры города Ельца, что в Липецкой области? Конечно, и надзором, и контролем. А в свободное от контроля и надзора время, оказывается, еще и отгрузкой иногородним потребителям... нет-нет, не рекомендаций по улучшению контроля и не инструкций по совершенствованию надзора. Все гораздо прозаичней: отгружают контролеры... батарейки для транзисторных приемников, литейные заготовки, гидроцилиндры... Вернее, не отгружают, хотя от них этого сильно ждут потребители.

Что? Считаете, читатель, что вовсе не контролерское это дело? Как сказать... Совсем по-другому считают те самые потребители. Что видно из их телеграмм Елецкому горкому народного контроля:

«...СРОЧНО ОТГРУЗИТЕ БАТАРЕЙКИ МАГАЗИНУ «ИНДУСТРИЯ», — подгоняет елецких дозорных директор таганрогского магазина «Индустрия» тов. Ручко.

«...ВАМИ СРЫВАЕТСЯ ПОСТАВКА ЛИТЕЙНЫХ ЗАГОТОВОК», — категорически настроен и директор арзамасского завода «Легмаш» тов. Падалкин. Контролеры, значит, срывают поставку...

«...ПРОШУ УСКОРЕНИЯ ОТГРУЗКИ ГИДРОЦИЛИНДРОВ», — требует от тех же контролеров замди-

В Вышнем Волочке, знаменитом своими каналами, прорытыми по приказу Петра I на месте бывших волоков между Цной и Твердой, меня принимает под свой кров гостиница «Березка».

Захожу. Чисто, уютно, и, словно в сказке, места есть. Дали номер на четвертом этаже. Подхожу с чемоданами и баулами к лифту, жму на кнопку. Тихо. Жму еще. Тихо по-прежнему. Жму в третий раз, но тут слышу сзади веселую реплику:

— Зря стараетесь, лифт этот сроду не работал...

Рядом с лифтом междугородный телефон-автомат. Беру трубку, чтобы сообщить домой о благополучном прибытии на промежуточный этап. Сзади тот же веселый голос:

— Зря стараетесь — который день на ремонте...

Делать нечего, чемоданы в руки, что полегче — в зубы. И, как говорится, с большим подъемом — на четвертый.

После дороги — под душ. Но из двух кранов, будто по спецзаказу «моржей», течет только холодная. Повернул голову — в углу сиротливо журчит деликатный пред-

мет, увы, лишенный своего пластмассового воротничка. Хоть стой, хоть падай.

Такое вот было вселение в «Березку». — И все дела? — усмехнется в этом месте закаленный в гостиничных передрыгах ветеран командировок. — Место ему

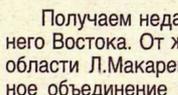
Им. ЛЕВИН,

СЛОВО

дали, постелью обеспечили, умыться и все такое под рукой, грубого слова не услышал, чего же еще человек хочет?

Слово даю, дорогой читатель, не стал бы писать: старому солдату одну ночь переночевать — не проблема...

Не стал бы, если бы не выглянул в гостиничное окно и не увидел как раз напротив гостиницы фундаментальный, на металлургической основе стэнд. Он пламенел тремя призывами:

ДВА САПОГА — НЕ ПАРА...

Жительница Владивостока А.Рева заказала ереванскому обувному объединению «Наири» туфли 36-го размера. Однако получила туфли, так сказать, на вырост — 38-го. Это, естественно, не могло удовлетворить заказчицу. Она выслала в Ереван ненужные ей туфли, потребовав либо их замены, либо возврата денег. Ни того, ни другого она за несколько месяцев так и не дождалась... Об этом говорилось в фельетоне «Противный случай» (№ 28, 1986 г.).

После публикации фельетона «стоимость обуви со всеми расходами, связанными с пересылками и телеграфным переводом, возвращена гр. А.Рева, — сообщает редакции заместитель министра бытового обслуживания населения Армянской ССР М.Товмасян. — Данная статья была обсуждена в объединениях, виновные понесли дисциплинарные наказания, разработаны оргтехмероприятия для принятия мер по пресечению подобных случаев».

Конечно, жаль, что тов. Товмасян не указал при этом, о каких таинственных «оргтехмероприятиях для принятия мер» идет речь? Но, подумали мы, раз о них сообщает замминистра, значит, они достаточно серьезны...

Получаем недавно еще одно письмо. И опять же с Дальнего Востока. От жительницы города Райчихинска Амурской области Л.Макаренко: «...Я обратилась в ереванское обувное объединение «Наири» с просьбой выслать мне зимние сапоги коричневого цвета, можно замшевые...» Через месяц приходит из Еревана посылка с обувью (заказ № 217685, стоимость — 82 рубля), и что же видит Л.Макаренко? Вместо коричневых сапог — черные. Но это еще ладно. Достает из коробки... два совершенно разных сапога! На одном подошва белая, на другом — желтая. На одном голенище большой вышитый рисунок, на другом — ничего такого нет.

Такие вот оргтехмероприятия... Г. МАКСИМОВ.

ТИХАЯ... УРНА

Кинематографисты облюбовали Тихую бухту в Крыму для съемок приключенческих фильмов. Ничего, разумеется, плохого в этом нет. Плохо то, что после съемок бухта частично остается замусоренной. Об этом рассказывалось в фельетоне «Тихая бухта» (№ 8).

Вскоре после опубликования фельетона в редакцию поступило письмо режиссера-постановщика фильма «Человек с бульвара Капуцинов» А.Суриковой. Она считает, что Крокодил чуть ли не оклеветал съемочную группу, обвинив

ее в том, что она не убрала за собой территорию, которую по договору обязан был очистить Феодосийский комбинат коммунальных предприятий.

Затем пришло письмо из Госкино СССР. Первый заместитель председателя Н.Сизов сообщает, что «Госкино... обратило внимание руководства киностудий на безусловное соблюдение съемочными группами установленного порядка на местах съемок и предложило применять к лицам, виновным в нарушениях, строгие дисциплинарные и административные меры». В частности, «киностудии имени А.П.Довженко поручено привлечь к ответственности виновных работников съемочной группы «Золотая цепь» и сообщить о принятых мерах».

Что касается упомянутой в фельетоне кинокартины «Человек с бульвара Капуцинов», то уборку съемочной площадки должен был провести Феодосийский комбинат коммунальных предприятий, который это и сделал. Но ведь речь шла не только о съемочной площадке! Наш корреспондент побывал недавно в Крыму и увидел, что Тихая бухта превратилась, если можно так выразиться, в «тихую урну»: часть мусора с пляжа смыта морем, а часть осталась на песке. Это и ржавые консервные банки, и множество мелких досок, и немалое число бутылок. Судя по этикеткам — отнюдь не из-под виноградного сока...

Нет, не только о мусоре на съемочных площадках говорится в фельетоне «Тихая бухта». В нем говорится об отношении к природе. Не так уж много у нас километров черноморского побережья. Его заповедные уголки, не загрязненные многочисленным долгостроящим и недобросовестными людьми, можно пересчитать по пальцам.

Когда
руководителей
хозяйств
Восточной Сибири
и Забайкалья
спрашивают, почему
так медленно идет
нынче уборка урожая,
те пожимают плечами,
разводят руками
и ссылаются
на погоду.
Ах, эта погода,
вечно она не такая,
как надо!
И как удобно
списывать на нее
собственную
нерасторопность,
неорганизованность,
неумелость...

— Лишь бы дождь не
кончился, а то потом
не оправдается, что
с уборкой не справи-
лись...

Рисунок
Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

**«ПЯТИЛЕТКЕ — ЧЕТКИЙ РИТМ,
УДАРНЫЕ ТЕМПЫ».**
«ПЛАНЫ ПАРТИИ — В ЖИЗНЬ».
**«НАУКУ И ТЕХНИКУ —
НА УРОВЕНЬ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ».**
Призывы шли как бы от имени триеди-

И там ведь можно науку и технику подни-
мать на уровень завтрашнего дня. А то, что
в данный момент не работает техника, не
только сегодняшняя, но и вчерашняя, —
ерунда. Никакие события и перемены
в стране и даже в самом Вышнем Волочке

таки не стэнд, а продолжение квартиры
и потому несет свои первородные хозяй-
ственные функции: над призывом трепещут
сохнувшие простыни, пеленки и подштан-
ники.

Брожу по городу и не перестаю удив-
ляться энергии создателей лозунгов и при-
зывов. Вон снова балконы-лозунгоносите-
ли. Только не по вертикали, а по горизон-
тали.

**«КАЧЕСТВО —
ЭТО ГАРАНТИЯ ПРОГРЕССА».**

Если вдуматься — чепуха, а не вдумы-
ваться — красиво!

**«ЗАДАНИЯ ПЯТИЛЕТКИ —
ДОСРОЧНО!».**

Никого не смущает, что дом, на который
навешиваются высокие слова, давно ну-
ждается в элементарном ремонте, что в ма-
газине возле красного щита на полках пу-
стовато, что под эпохальными призывами
дорога давно ждет асфальтировщиков...
И кумач от этого, кажется, краснеет еще
больше.

Но вот оперативный в центре города,
напротив старинных торговых рядов:

**«ВЫШНЕВОЛОЧАНЕ!
РЕШЕНИЯ
ИЮНЬСКОГО
ПЛЕНУМА ЦК КПСС —
ВЫПОЛНИМ!»**

Какие конкретно решения Пленума,
какими именно силами и средствами соби-
раются их реализовывать в Вышнем Во-
лочке — ни слова. Просто привыкли: после
каждого съезда и Пленума срочно разве-
шиваются кумачовые призывы: реше-
ния... — в жизнь... А порой даже, про-
являя сверхоперативность, создатели «на-
глядной агитации» приставляют к цифрам
на предыдущем еще одну палочку, тем са-
мым перекидывая мостик от одного съезда
к другому. Так они и шагают в ногу, не
сходя с места!

...Вышний Волочек чисто случайно ока-
зался в фокусе нашего внимания. Но разве
только в этом городе висят подобные при-
зывы? Дядя с кумачом вездесущ и много-
речив. Он не жалеет ни времени, ни средств
на это свое творчество. И в то же время он
экономен. Из богатейшего арсенала русско-
го языка отбирает максимум три-четыре
десять слов. Их ему с лихвой хватает на

специальный корреспондент Крокодила

НА ЛОДЖИИ

ного профиля, нарисованного на стенде
и олицетворяющего рабочий класс, кре-
стьянство и интеллигенцию (последняя
угадывалась по очкам).

Когда воздвигнуто сие сооружение —
неизвестно. Может, в седьмой пятилетке,
может, в десятой, а может, и в нынешней.
Текст лозунгов примет времени не несет.
И сколько простоят — тоже неясно. Все
зависит от крепости материала и качества
краски. Глядишь, и до XXI века дотянет.

не колыхнут на стендах ни единой строчки,
не затронут ни одной букочки. Главное
дело — призвать, а там хоть вода не теки,
телефон не звени. Да и профильную тройцу
годы не берут: она без возраста, вне эпох.

По другую сторону гостиницы на целых
пять этажей сверху вниз сияет другой ло-
зунг:

**«ЭНЕРГИЮ ЗАМЫСЛОВ
В ЭНЕРГИЮ КОНКРЕТНЫХ ДЕЛ!».**

Одно слово на лоджию. Но лоджия все-

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА.

— А теперь выпьем за то, чтобы мужа нам попались непьющие...

Рисунок С. ПРИВИНОЙ («Чаян», Татарская АССР).

См. стр. 4.

СЛОВО НА ЛОДЖИИ

Со стр. 3.

все случаи жизни. И еще одна отличительная черта — у него жесточайшая аллергия к юмору. Даже когда дяде приходит в голову обличить недостаток, он это делает все тем же казенно-безликим набором слов.

У въезда в город Калинин дядя тут как тут:

«СЛАВА ТРУДУ!»

«УСКОРЕНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА — ТРЕБОВАНИЕ ЖИЗНИ!»

Между этими входными и выходными кумачами щедро делится своими соображениями по поводу революционных преобразований наших дней:

«УДАРНЫМ ТРУДОМ КРЕПИ ЭКОНОМИКУ И ОБОРОНУ СТРАНЫ».

«ВЧЕРА НАУКА —

СЕГОДНЯ ПРАКТИКА».

«СМЕЛЕЕ, АКТИВНЕЕ,

МАСШТАБНЕЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ

ВСЕ НОВОЕ И ПЕРЕДОВОЕ».

«КУРС — НА ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО».

«ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА ПЯТИЛЕТКИ —

УСКОРЕНИЕ

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО

РАЗВИТИЯ», «ПЕРЕСТРОЙКЕ —

ПОВСЕМИСТНЫЙ И ДЕЛОВОЙ

ХАРАКТЕР».

Деловой характер... Интересно было бы хоть единожды вывести кид километра кумача хотя бы в масштабе одного города, одного района, одного квартала... Кумачовый дядя живет своей парадно-праздничной жизнью, город — своей трудовой, с подлинными радостями и заботами, тревогами и надеждами, улыбками и грустью. И эти две жизни нигде не пересекаются.

Еще не так давно дядя прекрасно чувствовал себя и в столице. Все мы помним разливанное кумачовое море призывов. Ныне оно заметно обмелело. Но еще кое-где поплескивает.

Фундаментальный комплекс, призванный отразить успехи трудящихся Краснопресненского района, установлен возле станции метро «Улица 1905 года». Он состоит как бы из двух частей: изящного полукруга с портретами передовиков и стенда с производственными показателями. Идея понятна, важна и конкретна.

Так почему же прохожие торопятся мимо, даже не поднимая глаз ни на фото, ни на тексты, ни на цифры?

На стенде около ста портретов. Люди эти как бы на одно лицо — одинаковое выражение, стандартный казенно-жизнерадостный вид, коим, как полагают создатели стенда, должны обладать все передовики.

Получился гигантский районный коллективный паспорт на сто фотографий.

От скучных портретов взгляд обращается к еще более скучным цифрам. С одной стороны, они показывают достижения района на данном этапе. С другой стороны, говорят об обязательствах на нынешний год. И там и тут цифры, цифры, цифры... Многие в процентном выражении и в абсолютных данных. Ну, например: дополнительно снизить затраты на рубль товарной продукции на 0,2%. Получить сверхплановой прибыли на 800 тысяч рублей. Обеспечить каждому предприятию стопроцентное выполнение договорных обязательств. Обеспечить перевозку народнохозяйственных грузов в строгом соответствии с клиентурно-номенклатурными договорами. Сэкономить 6,0 тыс. г. кал. теплотенергии, 200 тонн котельно-печного топлива...

А люди проходят мимо, не замедляя шага. Ну не трогают их ни 0,2% затрат, ни тысячи г. кал., ни тонны котлетоплива, ни клиентурно-номенклатурные договоры. Это может волновать лишь тех, кто за все это конкретно отвечает. Но и те не будут бегать к стенду на площадь, чтобы узнать, что от них требуется. Тогда для кого он?

Вот если бы стенды сообщали, сколько для краснопресненцев будет в нынешнем году построено квартир и сколько очередников (да по какой конкретно номер) справят новоселье, да как увеличится число автобусов и троллейбусов, какие улицы приведут в порядок, сколько телефонов впервые зазвонят, и как расширится торговая сеть (в цифрах и адресах), и сколько мест в новых садах и яслях появится, и кто персонально за каждый пункт отвечает — вот тогда уж наверняка у стенда толпились бы люди.

Гласность — это ведь одновременно и ясность, а не закодированные под проценты производственные показатели.

Так что, как видим, кумачовое море хоть и обмелело, но отдельные заливы еще имеют место. И вряд ли быстро высохнут, если мы все дружно в порядке перестройки не освободим кумачового дядю от его многотрудных дел.

А если на проходах он станет упираться, то к месту будет процитировать ему стихотворение Александра Твардовского «Слово о словах». Вот хотя бы этот отрывок:

*...Все есть слова — для каждой сути,
Все, что ведет на бой и труд,
Но, повторяемые всуе,
Теряют вес, как мухи мрут...*

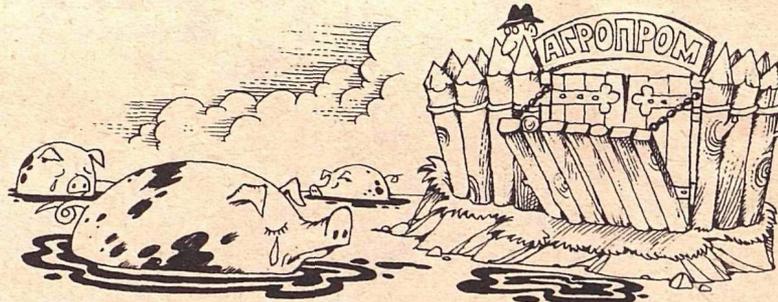
И возразить ему будет нечего.

Вышний Волочек — Калинин — Москва.

ЭВРИКА
СО СКРИПОМ

Владимир ЛОМАЗОВ,
специальный
корреспондент Крокодила

ПОРОСЯТА ПОД ХРЕНОМ

В пренебрежительном и высокомерном отношении к свинье немалая заслуга беллетристов. С их легкой руки, а точнее, из-под их легкого пера возникли правдивые рассказы о том, что на главных улицах провинциальных городов и городишек в обширных и непроходимых лужах там и сям валяются свиньи; что эти почтенные животные суют свое, с позволения сказать, рыло куда не следует и вообще ведут себя самым непристойным образом.

Эту легенду, сочиненную литераторами для создания местного колорита, а то и просто для красного словца, пора сдать в архив. Ибо если стародавняя свинья и лезла рылом в калашный ряд, то свинья нынешняя — животное организованное, по улицам не шляется, в городских лужах не лежит, в калашные ряды не заглядывает.

Хотя товарищи из сектора свиноводства подотдела научных систем животноводства и производства животноводческой продукции Госагропрома СССР в сознательность и организованность сов-

ременной свиньи не очень-то верят. Начальник вышеназванного сектора П. Волощик считает, что нашей свинье куда более по душе прежняя вольготная жизнь. Таково его служебное кредо...

Но здесь прервемся и, прежде чем разобратся во взглядах тов. Волощика, совершим небольшой экскурс в увлекательный мир свиноводства.

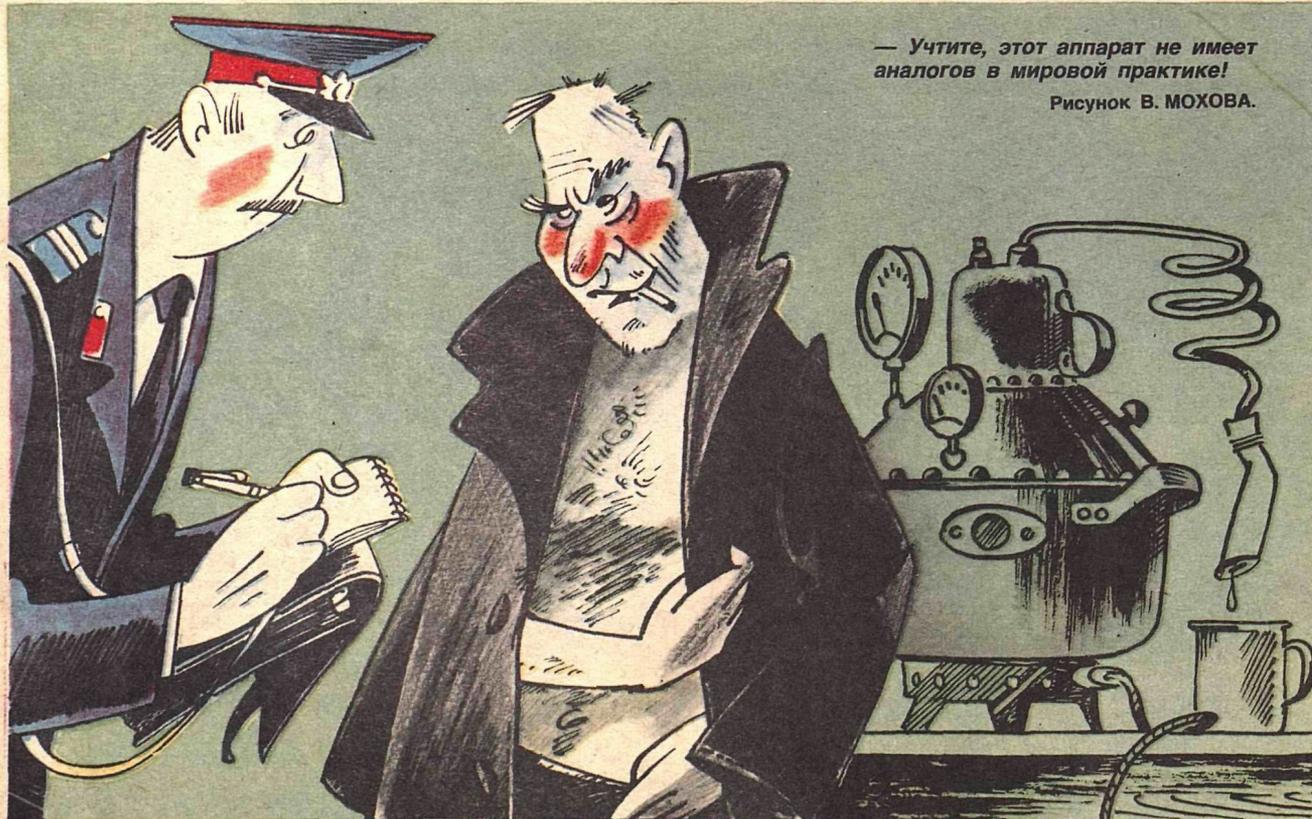
Современная свинья растет в три этапа. Сперва молочные поросята содержатся вместе со свиноматками на специальных фермах. Набрав 12—13 кг, они попадают на другие фермы для доращивания. Это второй этап, и заканчивается он, когда поросята нагуляют 30—32 кг. Третий же этап — откорм до кондиции на товарных фермах. И на каждом этапе есть свои нюансы.

У первого и второго этапов нюанс неприятный — они убыточные. То ли потому, что цены установлены на поросят низкие, то ли оттого, что производительность труда невысока, то ли по причине отсутствия нормальных условий для животных теряют хозяйства на каждом поросенке до шести—десяти рублей. Потому за содержание молочных поросят и доращивание животноводы берутся крайне неохотно, только по директиве сверху.

Хотя в каждой отдельно взятой стране свиноводство имеет свою особенность. Голландский, к примеру, поросенок в наших условиях даже и расти не станет. Сибарит он, привык в своей Голландии к многостаянным клетям, обогреваемым теплым воздухом, и полноценному сбалансированному рациону. Словом, к высокому уровню поросычей жизни, к счастливому детству.

Но вот и у нас наметились некоторые сдвиги. В 1974 году товарищи из животноводческого управления тогдашнего Минсельхоза решили довести уровень жизни отечественного поросенка до зарубежных стандартов. Прослышав, что в Голландии поросят содержат в многостаянных обогреваемых клетях, министерские работники решили создать подобные условия для подведомственных им животных.

Сказано — сделано. Экспериментальное объединение «Поволжское» — совместное детище советских разработчиков из ВНИИ комплексных проблем машиностроения для животноводства (ВНИИКОМЖ) и специалистов фирм «Ланбау-проект» и «Думерсдорф» из ГДР — в конце семидесятых вступает в строй. «Поволжское» оснащено обогреваемыми двухэтажными клетями-батареями для доращивания поросят, спроектированны-

— Учтите, этот аппарат не имеет аналогов в мировой практике!

Рисунок В. МОХОВА.

ми и изготовленными немецкими фирмами. Аналогичный комплекс сдается в ГДР. И...

...Перенесемся в год 1987-й.

— Мы категорически против двухъярусного содержания! — заявляет П. Волошик. — Гиблое дело для поросят и ущерб в государственном масштабе. Двухэтажные клетки из системы машин для животноводства следует немедленно исключить!

В чем же дело? В том, что конструкция клеток нуждалась в серьезной доработке, однако потребовать от фирм «Ланбау-проект» и «Думерсдорф» довести до ума свое изделие госкомиссия не решилась. Поэтому в конце семидесятых — почти десять лет тому назад — двухэтажные клетки в «Поволжском» превратили в одноэтажные. С помощью автогена...

Именно с тех пор, уже около десяти лет, ведет тов. Волошик с двухэтажными батареями решительную войну. Как средневековая инквизиция с ересью. И борьба, надо сказать, идет успешно. Однако и еретики, пытающиеся «протащить», по выражению П. Волошика, «свои доморощенные идеи» усовершенствования батарей, почему-то не сдаются. Почему?

...В украинском городе Умани работники РАПО, делясь со мною своими заботами, между прочим, сообщили:

— Вы бы съездили в колхоз имени Ильича в нашем районе. Там председатель — большой энтузиаст доразивания поросят. И что удивительно: все доразивают в убыток, а у него — многотысячные прибыли. Поезжайте, поглядите.

И я поехал. И ничуть не пожалел. Председатель колхоза В. Стась оказался человеком энергичным и деловым.

— Вы по батареям? — спросил он меня. — Пойдемте на ферму... На ферме я увидел двухэтажную металлическую батарею для доразивания поросят. Ту самую, которая, по мнению П. Волошика, — вред в государственном масштабе.

— Мне бы еще парочку этих самых батарей! — говорил Стась. — Я бы все откормочные хозяйства области завалил поросятами. Замечательная батарея: поросята не болеют, отлично потребляют корм, и, гляньте, какой к ним доступ — удобно ухаживать. А вместо двенадцати свинок — один оператор.

Вдохновенную речь моего собеседника прервал резкий звон будильника.

— Оператор себе поставил, — пояснил Стась. — Чтоб не пропустить кормление.

Что же это получается? А получается то, что нашлись умельцы, сумевшие сделать то, о чем не решились попросить специалистов из ГДР. Они доработали конструкцию батареи, сделали опытный образец, установили его в колхозе им. Ильича, и теперь хозяйство имеет на доразивании по пятнадцать рублей дохода с каждого поросенка.

Умельцами оказались производственники ПО «Уманьферммаш» и ученые из упоминавшегося ВНИИКОМЖа. Рассказывает один из разработчиков, завотделом ВНИИКОМЖа В. Дорошев:

— Дело в том, что немецкая конструкция не учитывала особенностей наших кормов. У немцев корма сухие, а у нас — компост, все идет в дело. Кроме того, доступ к животным был затруднен, да и вентиляция не грела поросят, а создавала сквозняки. Животные болели. В нашей конструкции мы все недостатки устранили...

— А как в ГДР? Они-то свои батареи эксплуатируют?

— Мучаются. Недавно были у нас специалисты из «Ланбау-проекта», смотрели наши чертежи. Будут по ним переделывать...

Опытная батарея в колхозе им. Ильича за три года эксплуатации отлично себя показала. А в 1985 году в колхозе работала межведомственная комиссия, куда входили представители Госагропро-

ма СССР. Осмотрев розовых, один к одному, батарейных поросят, комиссия единодушно рекомендовала батарею к широчайшему внедрению. Дело казалось ясным.

Ясным, но не совсем. Заказчик машин для сельского хозяйства — тот же Госагропром, а конкретно: сектор тов. Волошика, стоит на прежней позиции: после конфуза с немецкими батареями даже отличные показатели в колхозе им. Ильича и рекомендация межведомственной комиссии не убеждают тов. Волошика.

Поэтому новаторов-энтузиастов, вроде Стась или Дорошева, в Госагропроме быстро урезонируют. Зачем рисковать, применяя отечественную технику, — чего доброго «навредишь в государственном масштабе»... Кроме того, общеизвестно, что самые лучшие свиньи выращиваются в Голландии. Что неплохо развивается свиное поголовье в США и ФРГ. Стало быть, ездить госагропромовскому руководству за передовым опытом следует туда, а не в какую-то там Умань. А бужениной под хреном можно закусить и в служебном буфете...

г. Умань — Москва.

В связи с вышеизложенным у Крокодила

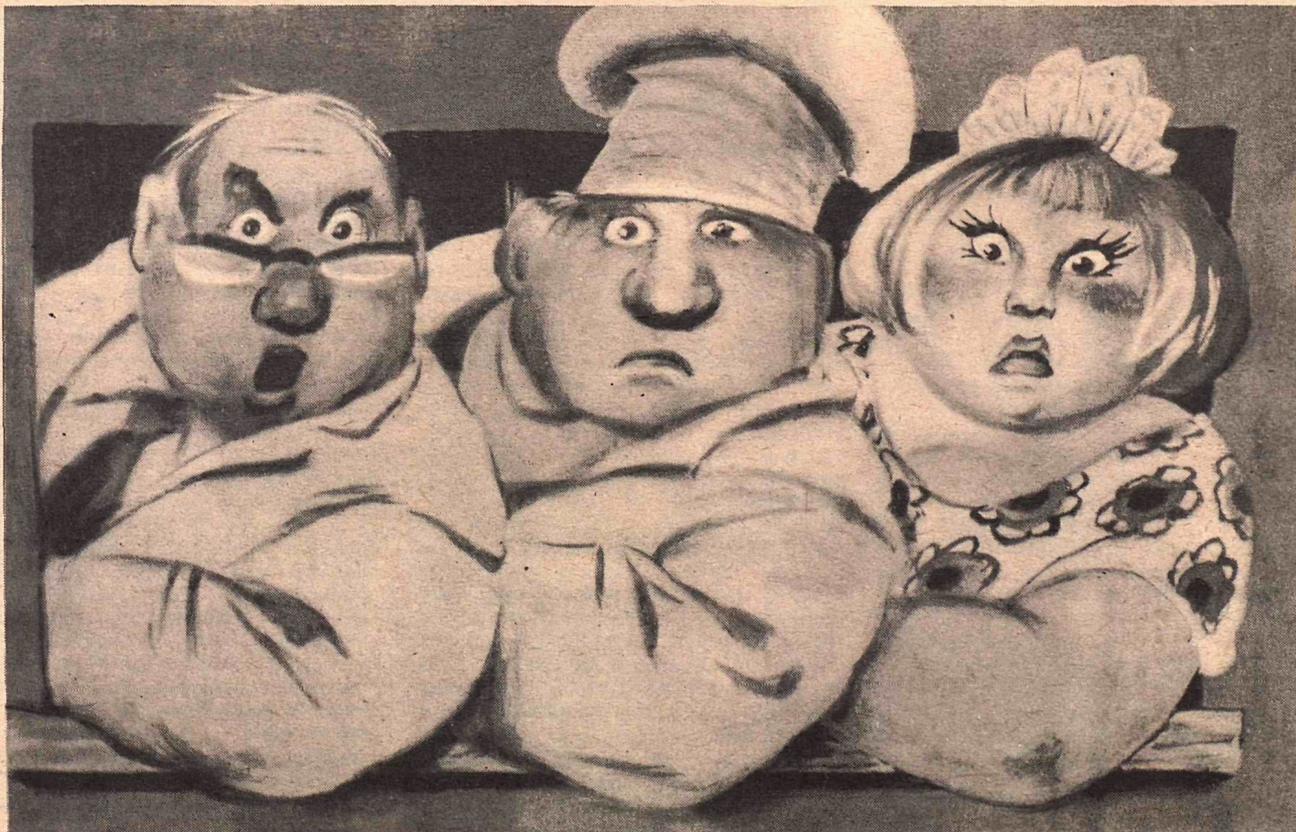

Л. Н. КУЗНЕЦОВУ,
заместителю
председателя
Госагропрома СССР:

— **Уважаемый Лев Николаевич! Разъясните, пожалуйста, кто же виноват в том, что отлично зарекомендовавшая себя в колхозе им. Ильича Уманского района двухъярусная батарея для доразивания поросят не выпускается серийно?**

Рисунок Д. ОБОЗНЕНКО, г. Ленинград.

— Смотрите, он ест!

Аркадий КАЙДАНОВ

ЗДРАВИЦА

Да здравствуют удобные поэты
С температурой тридцать шесть и шесть!
Пусть в их стихах порой «чего-то нету»,
Но чаще, безусловно, «что-то есть».

Да здравствуют Бояны зим и весен
И Несторы проката и литья,
Враги проблем, сомнений и вопросов
И восклицаний верные друзья!

Да здравствуют удобные поэты,
Творцы нераскупаемых томов,
Воспевшие закаты и рассветы
Вперед уже на несколько веков!

Да не собьют подковы их Пегасы,
Да не иссякнет в выплатные дни
Их очередь у вожделенной кассы!
Да здравствуют!

...И здравствуют они.

г. Нальчик.

Александр ВОЛОБУЕВ

РАЗГОВОР

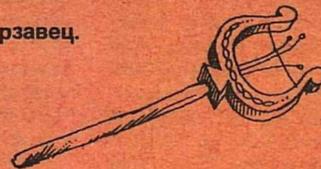
- Если девушка курит? — Пустяк, ерунда!
- Водкой голову дурит? — Пускай. Не беда!
- Ты б хотел, чтоб женой твоей стала такая? — Ты рехнулся, наверное? Нет, никогда!

* * *

УХВАТИСТЫЙ

Ты говоришь, что он —
порядочный вполне.
Мне не понятя
твоих похвал и здравиц.
Пусть он порядочный,
я не добавлю «не»,
Добавлю лишь —
порядочный мерзавец.

Он теперь известен миру —
Не талантлив, но богат,
Потому что смог он лиру
Приспособить под ухват.

НАЧИНАЮЩИЙ

Пустите меня к поэтам,
Пока я еще горячий.
Пока я ломаю нормы
Беспечным движеньем пера.

Пока я не стал, как другие,
Породистой умной клячей,
Которая все понимает,
Но для работы стара.

Калиниченко видел, как из припаркованной у киоска «Волги» спокойно наблюдает за происходящим «третейский судья» Матрос. Не выдержав психологической атаки, он заплатил. И Матросу, и его «ребяткам»...

Амурцы не могли не осознавать, что спокойный рэкет, как правило, менее эффективен, чем жестокий, и со временем у них появляются истинно гангстерские замашки.

Так начиналась амурская война, которую я назвал бы первой панической войной. Панической война была пока что лишь для дельцов, спекулянтов и торгашей, впадавших в панику при виде бандитов.

Вот только несколько эпизодов этой войны.

Когда один мазурик отказался платить карточный долг, Шапа во гневе схватил подвернувшегося под руку пасатижи и попытался содрать с зубов упрямяца золотые коронки...

Строптивного спекулянта Варнавского Поляк, Кабан (Лунев) и Урка (Зайшло) вытащили из собственного дома и отвезли на Клочковское кладбище. Там его поставили на край свежеевыкопанной вакантной могилы. Бандит Дименштейн поднял с земли усохший венчик и, надев его на шею уже и впрямь скорее мертвому, чем живому, от страха Варнавскому, стал толкать его в могильную яму, приговаривая: «Думай, где достать деньги!». Тут только «клиент» и согласился выложить требуемую сумму...

Домой к Ветвицкому Буня (Даниленко) и Мармура (фамилия и кличка совпадают) приехали вечером. Увидев их в окно, молодой дельец с криком: «Мама, ко мне идут!» — заперся в ванной. Предусмотрительно перерезав ведущий к дому телефонный провод, бандиты вошли в квартиру. Ветвицкий застал и притих, как мышь перед рассветом. Он слышал, как шуршат в темноте его настороженные ресницы... Порывавшись по квартире и не найдя ничего, кроме набора порнографических открыток, амурцы ушли несотенно хлебавши. Но долго еще не отваживался Ветвицкий покинуть свое кафельное убежище...

Играя с «лохами» в карты, ребята Матроса иногда выдавали одного из бандитов за человека с Севера или вора из Донецка, который «способен на все».

Именно на него — парня с Севера или донецкого вора, в роли которых подвизались чаще всего Мармура, Рахит (Парадиз) или сам Матрос, на глазах у облапошенного дельца «перепишут долг», после чего указанный бандит приобретает полное амурское право его (долг) выколачивать. Подобным образом ребята Матроса «обули» продавца пива Холина и мелкого «цеховика» Гольдберга. У последнего взяли в залог его личные «Жигули» и укатали на них. Автомобиль «честно» вернули, когда Гольдберг выложил долг — 4,5 тысячи, возникших из невинной поначалу карточной игры на коньяк...

...В конце семидесятых — начале восьмидесятых годов ребята с Амура были в зените своей шальной славы. О них говорил весь город — от вокзала до Амура. Молва приписывала им совершенно невероятные поступки.

И если честные люди, зная, что им нечего опасаться, произносили слово «Матрос» без страха, то на барменов, спекулянтов и подпольных бизнесменов оно наводило животный ужас. Бессонными ночами килограммами поедали они дефицитный седуксен, но, не получив успокоения, расплюсывали свои покрытые пушком рыльца об оконные стекла. Часами вглядывались и вслушивались они в чугунный мрак южной ночи: не тормозят ли визгливо у дома кроваво-красные «Жигули» амурца Алика Дименштейна, не выходят ли из них крепкие парни в белых рубашках, под которыми спрятаны ножи и обрезы.

И все чаще липкую приднепровскую тьму молнией пронзал истошный мужской крик: «Мама! Ко мне идут!!!»

Глава III.

КРЕСТНЫЙ БАТЬКА

Прервем наше повествование о событиях первой панической войны, чтобы познакомить читателей с выдержками из одной производственной характеристики:

«... Проявляет инициативу и организаторские способности... Умеет координировать свою деятельность. Оперативно решает вопросы. Деловит... Обладает чувством нового... Политически зрел, принципиален, правильно понимает и проводит в жизнь политику партии. **Умеет учить массы и учиться у них** (выделено мной.— В.В.) Способен к сотрудничеству с товарищами по работе, отзывчив, умеет правильно воспринимать критику, прислушивается к ней и делает из нее правильные выводы. Уравновешен и **настойчив в доведении дела до конца** (выделено мной.— В.В.)... Энергичен, аккуратен, опрятен, вежлив, скромнен, в коллективе пользуется заслуженным авторитетом, требователен к себе и дисциплинирован. Ударник коммунистического труда. Является пропагандистом».

Далее следуют подписи магического «треугольника»: начальник участка Чугаев С. П., секретарь парторганизации Артеменко А. А., профгруппорг Саулич И. И.

Кто же он — сей ангел без крылышек, достойный, судя по характеристике, быть как минимум прокурором города, а то и повыше забирая?..

Характеристика выдана Мильченко Александру Федоровичу, 1948 года рождения, рабочему Днепровского участка «Укрмясомолремаш» тогдашнего Министерства мясо-молочной промышленности Украины в качестве рекомендации для турпоездки за рубеж.

С какой целью мы столь пространно процитировали этот канцелярский панегирик — машинописный памятник недавней эпохи?

Дело в том, что Мильченко Александр Федорович, 1948 года рождения, к моменту получения характеристики много лет являлся главарем амурских бандитов и был больше известен в городе как Матрос.

Уже потом, во время следствия, начальник участка Чугаев заявил, что прекрасную характеристику он дал «нехорошему» Мильченко лишь «потому, что тот собирался ехать в турпоездку за границу». Ничего не скажешь: логично... Хотя на месте Чугаева автор не стал бы так спешно отречься от всего процитированного текста. Во всяком случае, в том, что касается «организаторских способностей» и умения «доводить дело до конца», характеристика нимало не грешит против истины.

Скорее, на мой взгляд, она нуждается в некоторых дополнениях.

Александр Мильченко родился в городе Майкопе, был старшим ребенком в семье, вскоре после его рождения перебравшейся в Днепровск, и с молочных лет привык верховодить среди мальцов. В школе учился неважнецки, по два года сидел влюбившихся ему шестом и седьмом классах, а слабые свои познания пытался компенсировать крепкими мышцами.

Так и не одолев всех премудростей седьмого класса, Мильченко ушел из школы.

Поступив в ПТУ, Александр увлекся футболом и вскоре, окончательно забросив учебу за кромку футбольного поля, уже играл за юношескую сборную Украины. Перед ним открылась заманчивая карьера профессионального футболиста.

И вот он претерпевает характерное для нашего «любительского» спорта раздвоение: формально работает на ва-

гоноремном заводе, а фактически гоняет мяч за команду, выступающую на первенстве области, и появляется на родном предприятии только в дни зарплаты. Возможно, именно тогда уверовал Мильченко в свою исключительность, дающую право получать незаработанные деньги. «Хай турки пашут», — любил повторять молодой футболист.

Венцом спортивной карьеры Александра стало приглашение в дублирующий состав днепровского «Днепра». Венцом и концом одновременно. Не выдержал Мильченко испытания славой, когда стали узнавать его на городских улицах, а на Амуре, где он жил, и вовсе не давали проходу: каждый норовил угостить пивком, водочкой, а то и кукнаром. Он, как правило, не отказывался от угощения.

Начали поступать приглашения из команд других городов. Мильченко, которому надоело «гнить в дубле», долго выбирал, где повыгодней, и остановился на Волгограде. Но пивко и кукнар к тому времени прикончили в зародыше его спортивное мастерство:

в Волгограде он не задержался, точнее, его не стали сильно удерживать.

Вернувшись в Днепровск, где еще доживала свой девичий век его футбольная слава, Мильченко окружает себя молодыми амурскими парнями, в большинстве уже судимыми за «мелкие шалости», становится их лидером и мозговым центром. «Наш Матрос», — называли его за глаза амурские ребята.

Почему Матрос? Рассказывают, что когда-то, будучи еще шкетом, пошел Саша вместе с ребятами постарше купаться на Днепр, но плавать не умел и, оказавшись на глубоком месте, стал тонуть. «Выплывет или нет?» — гадали старшие мальчишки, глядя с берега, как барахтается малыш в рыжей днепровской воде... Саша не потонул, выплыл. И с тех пор на Амуре стали в шутку звать его Матросом. Ребячья «кликуха» оказалась прилипчивой, как изолянта, и сохранилась за Сашей Мильченко до зрелых лет, когда он уже не барахтался, а ловко лавировал в мутных житейских водоворотах.

О том, как Матрос и его ребята пришли к рэкету, мы рассказали в предыдущих главах. Интересно, что до последних дней существования банды Мильченко удавалось поддерживать репутацию человека справедливого и рассудительного — как среди рэкетиров, так и среди рэкетирюемых. Не потому ли, что с некоторыми пор Матрос редко ходил на дело, а предпочитал руководить «операциями» из дома по телефону?

Звонили ему и обиженные (дескать,

заставляют платить), и обидчики (чтобы заставил платить обиженных). И тем, и другим он говорил свое любимое «Разберемся...», не забывая, впрочем, содрать куш и с той, и с другой стороны.

Кстати, дом Матроса был чуть ли не единственным телефонизированным жилищем на Амуре, к нему специально тянули кабель. А установили телефон по официальному письму, где была среди прочих такая формулировка: «В целях бесперебойного функционирования мясо-молочной промышленности Днепровской области, просим прости телефон к дому инженера (!) Мильченко...»

Как ни странно, но даже после установки телефона в доме Матроса, который со своим полусредним футбольным образованием никак не мог быть инженером (разве что инженером человеческих душ), мясо-молочная промышленность области продолжала давать сбои. Зато «контора Матроса» и впрямь за-

функционировала бесперебойно. Сидя дома, Мильченко аккуратно получал проценты с денег, выколоченных в результате бандитских «операций». Его роль стала схожей с ролью горлового у волжских бурлаков. Этот главный бурлак не тянул лямку в команде, он только орал, когда нужно было взять порог, то есть работал горлом. Получал же горловой наравне с другими бурлаками, да плюс «горловые» — чарку водки для поддержания в форме своего орального (в прямом и в переносном смысле) аппарата.

Так футбольный форвард превратился в бандитского «тренера». Когда постоянная производственная деятельность стала мешать деятельности преступной, Матрос решил симулировать воспаление души, чтобы получить инвалидность. Справку он раздобыл с завидной легкостью. О тех, кто помог ему в этом, разговор впереди.

Позже, когда Матросом всеерьезно занялось следствие, он был направлен в Харьков на психиатрическую экспертизу. Здесь, в Харьковской психбольнице № 15, именуемой в просторечии Сабуровой дачей, лопнула легенда о матросской невменяемости, несмотря на то, что он приложил к ее сохранению все свои организаторские (вспомним характеристику) и актерские способности. При появлении врачей Матрос делался угрюмым и подавленным, театрально рыдал и объявлял голодовку. Он подчинил себе соседей по палате, и, когда уходили врачи, сопалатники тайком таскали ему из столовой борщи и котлеты, которые «голодающий» Ма-

трос, подобно Васисуалию Лоханкину, ночами поедал под одеялом. Поев, он укладывался спать, но спалось ему плохо: постель была усыпана острыми хлебными крошками, как ялтинский пляж — галькой. Крошки буравчиками впились в тело, но из соображений конспирации стряхивать их на пол Матрос опасался...

Став, как говорят на Украине, «большим на голову», Матрос мог целиком посвятить себя рэкету. Не иначе, как на 90-рублевую пенсию инвалида второй группы, он покупает «Волгу», предусмотрительно записывая ее на имя матери.

Эту «Волгу» Матрос приобрел у своего друга олимпийского чемпиона по штанге Султана Рахманова. Рассказывают, что Рахманов в те годы часто выступал на всевозможных собраниях с воспоминаниями о своих олимпийских успехах. На такие выступления он любил приглашать Матроса, усаживая его рядом с собой в президиуме.

сковороде жареное мясо. «Хорошо гулял Саша, — поведал мне один из работников этого кафе. — Когда входил в зал, все его ребята вставали, и, пока Матрос не начнет кушать, никто не начинал... Он всегда первым брал мясо со сковородки. Если кто из ребят полезет за мясом вперед батька — вышвырнут его из кафе, а Матрос с этой сковородки уже не кушает: брезгует...»

Идеалом Матроса, по его собственному признанию, был батька Махно, некогда славно «погулявший» в Екатеринославе. Своему представлению о Махно он старался следовать во всем. До того доходило, что выезжали с хлопцами за город и там, уколотившись наркотиком, брали напрокат у колхозных труженников седла коней и — за неимением шаек — скакали по степи с ножами наголо.

Методы выколачивания денег тоже со временем стали махновскими. Некоторых упрямых «клиентов» помещали на край крутого обрыва над Днепром или запирали в темный, кишачий жирными амурскими крысами подвал.

бахе с отложным воротником. Рядом с ним — вездесущий Шапа, курировавший жестокий рэкет с угрозами и побоями. Рука Матроса с массивным перстнем на безымянном пальце лежит на Шапином плече. Вот Комар (Комаров), Сумской (фамилия и кличка совпадают), Качан (Качанов), другие амурцы. Их окружают девушки — и не какие-нибудь там «марухи», а вполне домашние на вид. Все рады, все улыбаются — почти что семейный портрет...

На другой фотографии — истинно семейный портрет в интерьере — Матрос снят с семьей у себя дома. Интерьер небедный: ковры, гнутые стулья «под старину», обитые ситцем в цветочек. На плечах у Матроса — маленькая дочка, рядом — белокурой красавица жена, а чуть сзади — аккуратно причесанный сын Игорь, похожий на отличника, кем он, возможно, и стал бы, не пристрастившись с ранних лет к наркотикам.

И вот еще что роднит Матроса с Крестным отцом — клановость.

Сыновья Крестного отца, не раздумывая, пошли по его преступным стопам — так было принято в «коза ностре». Сын Матроса Игорек Мильченко в 16 лет сколотил банду подростков и, несмотря на то, что был среди них самым младшим, возглавил ее. Как видно, сыграл свою роль отцовский авторитет. И кличку Игорю дали соответствующую — Матросенок.

Банда Матросенка занималась, так сказать, мини-рэкетом. Матросята (или амурчики), как и старшие амурцы сдирали деньги с «лохов» — богатых жуликов и спекулянтов. Правда, запросы у них были пониже, чем у ребят Матроса, — не на тысячу шел счет, а на сотни. Но суть была та же.

В мини-банду Матросенка входила «рэкетирка», то бишь рэкетир-женщина. 18-летняя Наташа Кравченко быстро освоилась на этом традиционно мужском поприще. Как-то раз, приняв наркотик, она вломилась в дом к спекулянту Мащенко и принялась крушить молотком (знакомый почерк!) направо и налево.

— Кашляй, гад! — крикнула хозяйну Наташа, покончив с бесфамильным хрусталем и заноса свой рэкетный (не путать с крикетным!) молоток над фарфоровым сервизом «Мадонна».

Понятно, что Мащенко скорее растался бы с фарфоровой «Мадонной», чем подчинился требованию «мадонны с молотком», но, отличаясь пониманием, что сервизом дело не ограничится, он «кашлянул»...

Заметим походя, что матросский клан был не единственным на Амуре: дети многих бандитов (к примеру, того же Шапы) унаследовали отцовский промысел.

И на этом закончим нашу развернутую характеристику Мильченко-Матроса, тем более что в ходе повествования мы не раз еще повстречаемся с этой «яркой» и в то же время темной личностью.

Глава IV.

ПРЕДЕЛЬНЫЙ «БЕСПРЕДЕЛ»

«Где я?» — Анзор Аветисян с натугой разлепил пудовые веки.

Приподняв голову, в которой лениво перекатывались, постукивая друг о друга, бильярдные шары похмелья, Анзор установил, что лежит на заднем сиденье собственных «Жигулей», припаркованных у обочины напротив городского универмага. В универмаге Анзор отродясь не бывал, ибо с самых пеленок одевался исключительно на черном рынке. Сейчас его кремовый бельгийский костюм был измят до такой степени, будто спал Анзор не в автомашине, а в другой машине — стиральной.

С полчаса просидел Анзор в автомобиле, тупо глядя прямо перед собой и почесывая застарелую мозоль от рюмки на переносице. Наконец, в затуманенном его мозгу наметился просвет в виде слова «Рама».

«Рамой» в народе называли бар уже известного нам кафе «Льдинка».

Осторожно, дабы ненароком не загасить робкую искорку воспоминания, Анзор тронул машину с места и поехал в «Льдинку», прилагая по пути титанические усилия, чтобы не выскочить на тротуар: его почему-то все время заносило вправо... Встречи с ГАИ Анзор не опасался: здесь у него, как у легкого морозца ясным осенним утром, все было «схвачено».

В бар Аветисян вошел с опаской, как входят из освещенного вагонного коридора в темный и грохочущий тамбур.

За кассовым аппаратом маячил бармен Лона (Валик Пекуровский). Он подсчитывал выручку. У стойки, потягивая кофе, скукожился на высоком музыкальном стуле его сменщик амурец Боря Черток.

Именно эта парочка срежиссировала и разыграла вчерашний спектакль с богатым Аветисяном в главной роли. В рюмку Анзора подсыпали снотворного, а когда он отключился, его кулем свалили на заднее сиденье «Жигулей» и отбуксировали машину к универмагу. Сейчас предстояло второе действие.

— А-а, явился! — поприветствовал Анзора Валик, не поднимая глаз от накладных. Он протянул Аветисяну руку, но на полпути, как бы передумав, отдернул ее.

— Наверное, долг принес, — входя в роль, ехидно вставил Черток...

— Р-ребята, что вчера было, а? — холодея от дурного предчувствия, спросил Анзор.

— Пить меньше надо — больше бабок будет, — наставительно заметил Пекуровский. — На вот, похмелись за мой счет и припомни.

Он плеснул в бокал из высокой бутылки, плоской квадратной ложкой, похочей на шумовку, бросил в жидкость пару кубиков льда и подвинул напиток Аветисяну.

Этот широкий жест еще больше насторожил Анзора. «Если Лона угощает — быть неприятностям», — подумал он, но бокал все-таки взял.

— Чего ты с ним чикаешься? — сердито бросил Валику Черток. — Пусть кашляет сперва, а потом лекарство пьет.

— Верно, Анзор, когда долг платить будешь?

— К-какой д-долг? — поперхнувшись водкой, выдавил Аветисян.

Его вопрос прозвучал сиротливо, как ночной телефонный звонок в пустом учреждении.

— Во дает! — деланно изумился Черток. — Карточный, милашка... Валик, на сколько он вчера влетел?

Пекуровский извлек из-под стойки памятный листок бумаги в бурых коньячных пятнах. По листку паучками расплзались какие-то каракули.

— Тридцать девять тысяч шестьсот рублей продал ты вчера нам и Давыденкову, — подытожил Валик, для виду сверившись с листком, и развел руками: — Всего-то...

— Не играл я, ребята, ей-богу, не играл! — взмолился Аветисян, но Черток оборвал его:

— Если двое подтверждают факт игры, — торжественно изрек он, — стало быть, игра состоялась!

С этими словами он забрал у Пекуровского подозрительный листок с паучьими записями, порвал его на мелкие клочки и бросил в лицо Анзору.

Аветисян схватился за кудрявую голову, усыпанную обрывками бумаги, как елка конфетти. «Так и есть: обкатали...» Он вдруг четко припомнил, как Валик поднес ему вчера какую-то рюмку, он выпил ее — и дальше темнота...

Продолжение следует.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

(Продолжение. Начало см. в № 28)

Другим приятелем Матроса был чемпион мира по боксу Виктор Савченко. Амурские ребята иногда брали Савченко с собой на дело, используя его в качестве пугала.

— Видишь, кто сидит там, в машине, — говорили они «лоху», показывая на Савченко, известного в лицо многим днепропетровцам. — Если сейчас же не «покашляешь» — он из тебя по всем правилам любительского бокса кашу сделает.

Понятно, что «лох» тут же принимался «кашлять» с такой интенсивностью, будто его хватил внезапный приступ коклюша.

Фотография Савченко с теплой дарственной надписью украшала письменный стол в кабинете Матроса, за которым разрабатывались планы грядущих рэкетирских сражений.

Не являясь членами банды, Рахманов и Савченко тем не менее хорошо смотрелись на фоне амурских ребят. Так, двое рыболовов у реки на фоне леса не нарушают гармонии пейзажа, а органически вписываются в него.

С такими «телохранителями» Матрос мог не петься о собственной физической форме, которую он вскорости благополучно утратил. У раздобревшего Мильченко появляются барские замашки: своих ближайших сподвижников он собирает на еженедельный совет в сауне, чуть не каждый день гуляет с ребятами в «Юбиле», «Днепровских хвляях» или в «Сковородке».

«Сковородкой» в Днепропетровске называют небольшое кафе возле Центрального рынка, где подают прямо на

Правда, в отличие от махновцев амурцы никого не убивали. Их убивали — случалось, — об этом скоро узнают читатели, но они — никогда...

Знакомясь с делом Матроса, я, как ни странно, чаще вспоминал не «Одесские рассказы» Бабеля (куда Бене Крику до Матроса? И размах не тот, и связи не те...), а нашумевший в свое время роман Марио Пьюзо «Крестный отец», повествующий о нравах американской «коза ностры». Матрос наверняка не читал его, хотя при желании мог прочесть: в конце 70-х годов роман был опубликован в журнале «Всесвіт» в украинском переводе.

«Хрещеный батько» — так звучало по-украински название этого романа.

«Крестный батька» Матрос, совместивший в себе черты как бесноватого батьки Махно, так и спокойно-рассудительного Крестного отца, создал своеобразное бандитское «братство». На первых порах (подчеркиваю: только на первых порах) амурцы повсюду были вместе — вместе гуляли на свадьбах, вместе хоронили покойников...

Передо мной на столе — несколько фотографий. На одной из них запечатлена свадьба бандита Яремы. В уютном амурском дворике на фоне свежее выбеленной хаты стоят под раскидистой акацией — «фирменным» южно-украинским деревом — жених с невестой. Жених — в черном костюме с цветком в петлице, невеста — в фате и белом платье: все как положено. Молодоженов обступают довольные, принаряженные люди. Вот Матрос в белой ру-

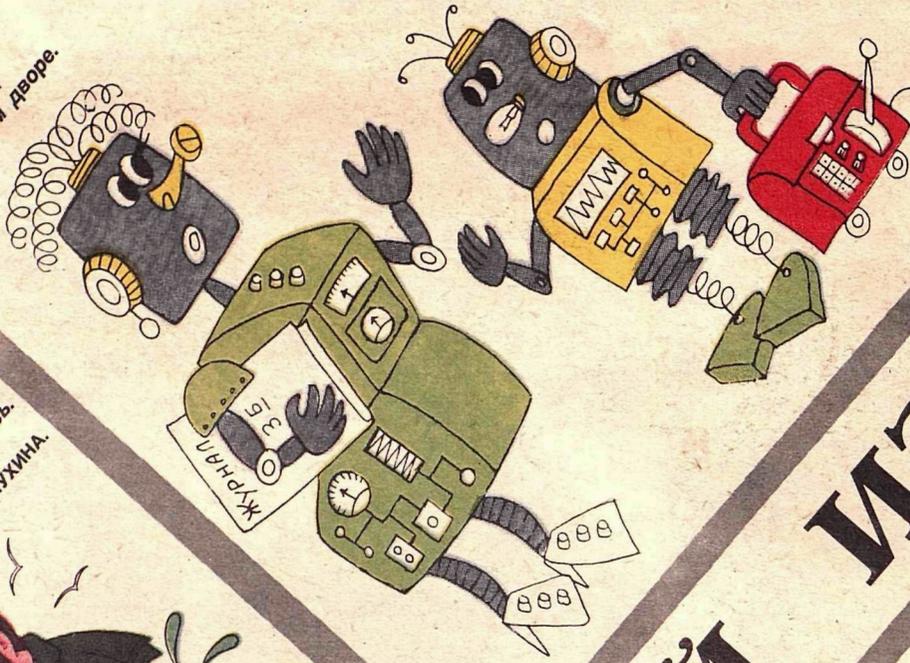
— Папа не может прийти на родительское собрание. Он валяется на заводском дворе.

— Вы знаете, Холмс, по-моему, здесь раньше было поле... Вы правы, Ватсон, но виновника нет, просто мелиораторы перестарались.

Рисунок В. ПОЛУХИНА.

Рисунок Л. ФИЛИПОВОЙ.

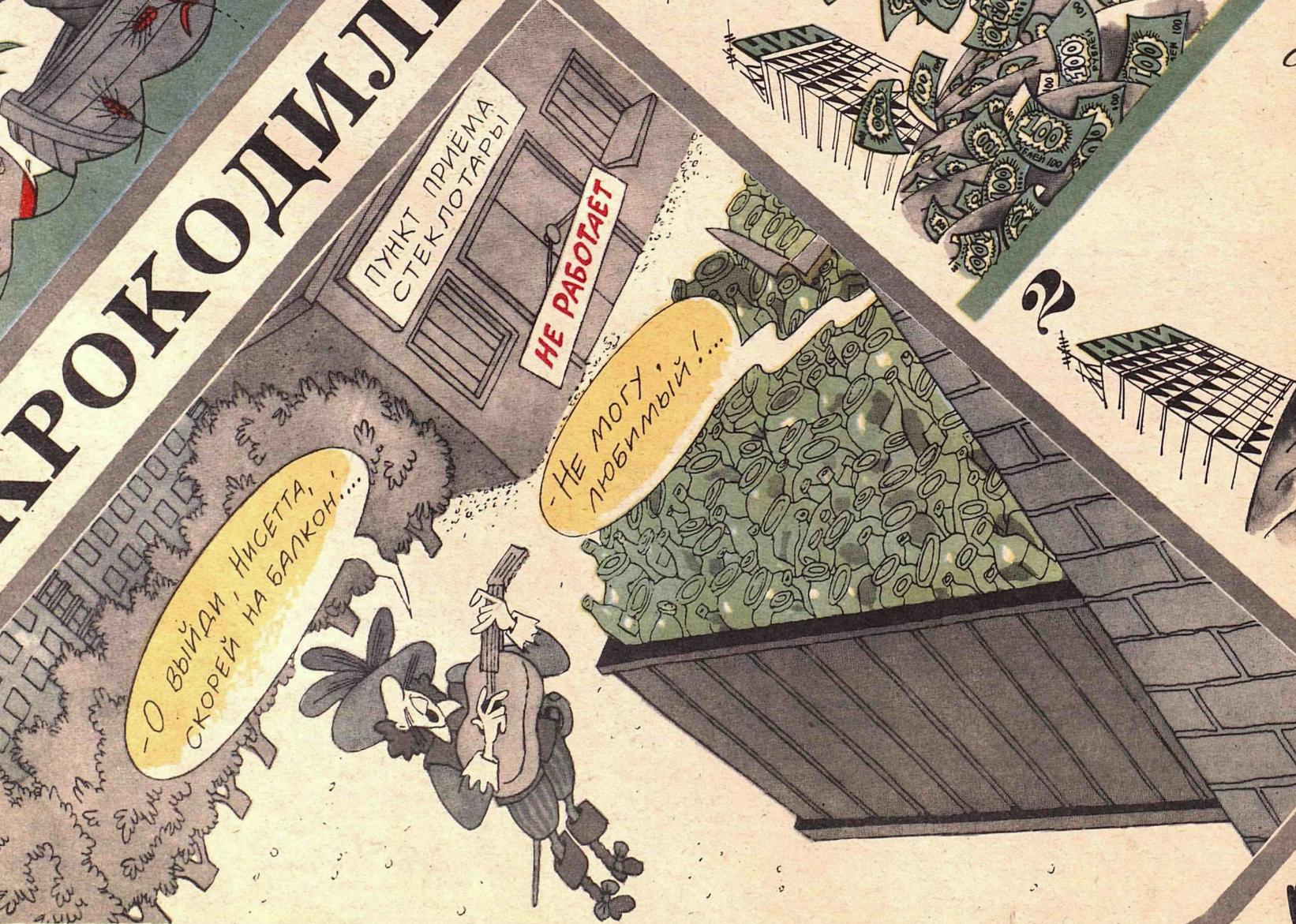
КРОКОДИЛЬСКИЙ ИЗОЗАЛШ

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

— О Выйди, Нисетта, скорей на балкон!

НЕ РАБОТАЕТ

— Не могу, любимый!

ЧТО

**С ВОЗА
УПАЛО...**

ПОДСЧИТАЛИ — ПРОСЛЕЗИЛИСЬ...
Говорят, у «серьезных» литераторов и художников есть так называемые вечные темы: любовь и ненависть, добро и зло, радость и горе...
А у сатириков? Есть ли у них что-либо вечное? Увы, есть.

Рисунок П. НАСЫРОВА.

Рисунок Е. МИГУНОВА.

Но мы расстреливаем своим изозалом любую бесхозяйственность, безалаберность, безответственность, беспомощность и вообще всякий беспорядок. И будем вести огонь до тех пор, пока хотя бы одной из «вечных» тем станет меньше.

Сегодня мы собрали здесь семь рисунков семи разных художников. О чем они? Да об одном и том же. Мы, естественно, не претендуем на полный охват всех аспектов проблемы расточительства. Конечно, можно расточать не только природные ресурсы, не только продукцию машиностроения или человеческого

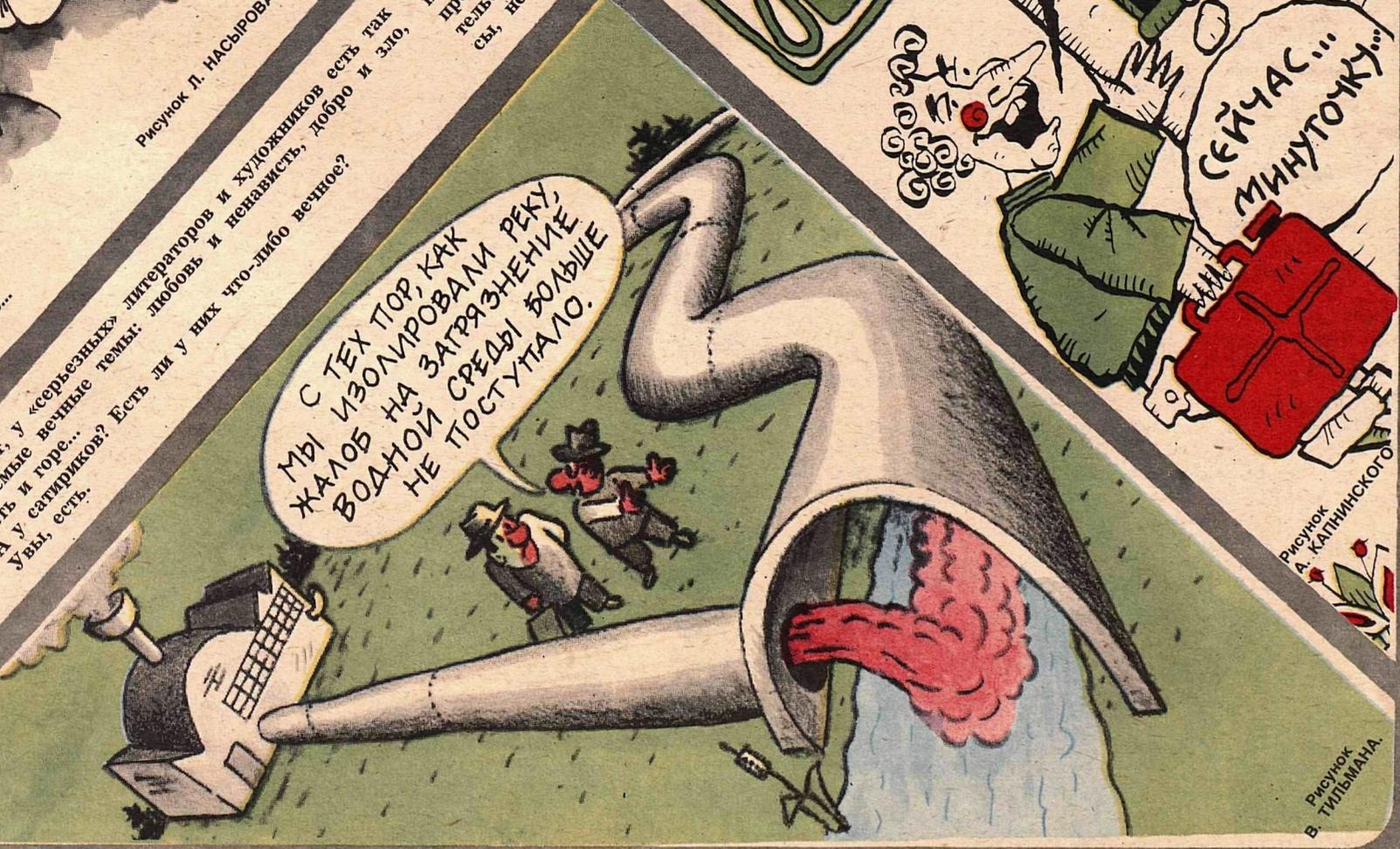

СКАЖИТЕ,
ОТРАБОТАННОЕ
МАСЛО
МОЖНО СДАТЬ?

СЕЙЧАС...
МИНУТОЧКУ...

ААА,
ПСИХ-?
ДИСПАНСЕР?!

Рисунок А. КАПЛИНСКОГО.

С ТЕХ ПОР, КАК
МЫ ИЗОЛИРОВАЛИ РЕКУ,
ЖАЛОБ НА ЗАГРЯЗНЕНИЕ
ВОДНОЙ СРЕДЫ БОЛЬШЕ
НЕ ПОСТУПАЛО.

Рисунок В. ТИЛЬМАНА.

АЗБУКА МОРСА

Итак, редакция получила анонимку из Сан-Франциско.

В конверте, на котором бесхитростной рукою безымянного отправителя из города «Золотых ворот» было выведено: «KROKODYL, RUSSIA», я обнаружил вырезку из местной газеты. Увы, ни обратного адреса, ни сопроводительной записки к вложению не прилагалось, и нам остается лишь послать нашему далекому корреспонденту безадресное трансконтинентальное «THANK YOU». Ибо присланная им статья Робом Морсом «Янки возвращаются домой» действительно заслуживает пристального внимания. В процессе ее чтения даже неискушенному уху явственно слышится тяжкий ортопедический скрип ходячих антисоветских штампов, чья забубенная молодость прихляпала на пору самых жарких баталий «холодной войны».

Роб Морс пишет о состоявшемся нынешним летом в Москве совместном концерте американских и советских рок-звезд — концерте, который увенчал собою Марш мира по дорогам СССР. Правда, о Марше мира в статье нет ни единого слова.

...Семьдесят американских рок-музыкантов летят домой, в Штаты, «только что отыграв концерт для нескольких тысяч советских солдат и правящих классов бесклассового общества». (Признаюсь, эта фраза погрузила меня в непростые раздумья: к какой из этих двух категорий отнести добрых два десятка моих знакомых, сумевших побывать на концерте. Поколебавшись, я зачислил их в стан правящих классов, ибо священный долг перед Отчизной — службу в Вооруженных Силах — они исполнили достаточно давно. Опять же неясно с московскими «неформалами»: к какому роду войск приписаны, скажем, «металлисты» — тяжелая кавалерия, что ли? — Л. Ф.)

В промежуточном аэропорту Шэннон (Ирландия) американская делегация, осатанело толкаясь, ринулась в беспошлинный магазин, исстрадавшись по покупкам: в Москве, беспристрастно свидетельствует Роб Морс, «в магазинах нет ничего, кроме водки, икры и металлических бюстов Ленина». (Что за дивный гастроидеологический набор! Как журналист журналисту, коллега, — сообщите адрес хотя бы одного такого магазина: буду чисто по-человечески вам признателен. — Л. Ф.) «Выйдя из московской гостиницы, уютно расположившейся в тени гигантской атомной электростанции, я не нашел ничего лучше, как приобрести в качестве сувениров друзьям русскую туалетную бумагу и зубную пасту», — вспоминает Р. Морс. А певица Бонни Рэйтт, узнав об этом, решила «набить туалетной бумагой целый автобус». (Столь явная ориентированность покупательского спроса представителей американской культуры на сей скромный, хотя и необходимый предмет домашнего обихода ошеломляет и внушает безотчетную тревогу. В любом случае, Бонни, столько рулонов в одни руки не дадут. — Л. Ф.)

Даже анемичные ирландские бутерброды казались после Москвы деликатесом. Ибо на завтрак в интуристовской гостинице высоким американским гостям выдавали: хлеб, кофе без молока и по сваренному вкрутую яйцу. (Душераздирающее зрелище рисуется мысленному взгляду. Группа «Дуби бразерс» по-братски ломает краюху бородинского: и хлеба горбушку — и ту пополам... Всемирно известный гитарист-виртуоз Девадип Карлос Сантана давится неподатливым каучуковым яйцом, багровея и тщетно пытаясь протолкнуть его медиатором в пищевод. — Л. Ф.)

Но неужели же нет у нас ничего положительного? Отчего же, снисходит Р. Морс, есть: в подземных переходах не пахнет мочой. (Ах, загадочная славянская душа! У нас как-то не принято отправлять естественные физиологические потребности в подземных переходах. Возможно, в силу нашей исторической отсталости и отсутствия элементарных гражданских свобод. — Л. Ф.) И еще приглянулся моему американскому коллеге один московский таксист, произнесший по-английски: «Сан-Франциско — очень красивый город». «Неужели мы хотим смести этого славного джентльмена с лица Земли?» — колеблется Роб Морс. (Остается ждать, пока какой-нибудь новый Сэм Козн изобретет волшебную супербомбу со сверхизбирательным действием: всем карачун, кроме англоговорящих таксистов, высоко отзывающихся о ландшафтно-архитектурных достоинствах отдельно взятых городов на тихоокеанском побережье США. — Л. Ф.)

В остальном же наши достоинства — суть продолжение наших же недостатков: агрессивны, зато патриотичны; подозрительны, зато бдительны.

И еще кое-что признает Роб Морс: русские знают об американцах гораздо больше, чем американцы — о русских. Ничего удивительного: информированность населения обратно пропорциональна числу журналистов, исповедующих ваш творческий стиль, коллега. Отстукивающих в газеты «азбукою Морса» депеши с прозрачным подтекстом: советско-американским контактам тире точка.

Леонид ФЛОРЕНТЬЕВ,
редактор международного отдела.

НЕВЕГЕТАРИАНСКИЙ

В книге американского писателя о вымышленной Анчурии вместо королей действуют президенты, а капусту успешно заменяют пальмы. Герой нашей вполне реальной истории, которая никак не подойдет к своему завершению, — всамделишный император, есть в ней и сюжет о капусте.

12 июля 1987 года Верховный судья Центрально-Африканской Республики огласил приговор: «Жан-Бедель Бокасса признан виновным по 14 пунктам обвинения и приговаривается к смертной казни». Казалось, настал финал длинной, невероятно запутанной, почти сказочной были о взлете и падении «маленького бонапарта». Но прошло три месяца, а развязки все нет. Где-то лежит прошение о помиловании, и Кто-то Очень Серьезный и Влиятельный никак не может принять решение — что делать с Жаном-Беделем Бокассой, экс-императором не существующей ныне Центрально-Африканской империи. А сам бывший пожизненный маршал, обладатель одной из обширнейших коллекций самых невероятных орденов, званий и премий, жив и здоров. Он в тюрьме, где-то в окрестностях Банги. Похоже, на что-то надеется. Впрочем, все по порядку...

Его кумиром всегда был Наполеон. Юноша, слонявшийся в тридцатые годы по пыльным кварталам административного центра французской колонии Убанги-Шари на западе Африки, мечтал о славе. Не только мечтал, но и думал, так сказать, в практической плоскости. Наполеон свой путь начинал во французской армии. Той же дорогой пошел и неведомый тогда миру Жан-Бедель Бокасса. В конце тридцатых годов он просчитывает все варианты пути наверх и принимает окончательное решение: «Иду в армию» — и вскоре уже красуется в форме колониальных войск. В конце 40-х годов Бокасса оказывается в Индокитае, где Франция ведет очередную колониальную войну. Какие ратные подвиги совершает он там, мы не знаем. Но, видимо, своим командирам Жан-Бедель приглянулся, в силу чего и дослужился до звания капитана французской армии.

А дальше начинается просто сказочное возвышение. В 1960 году, когда Франция предоставляет независимость Убанги-Шари, в Париже начинаются поиски лиц доверенных, а точнее, проверенных, на пост начальника генерального штаба новой республики. И Кто-то Таинственный, Почти Невидимый, подкладывает на стол Кому-то Очень Серьезному и Влиятельному «прекрасную анкету» французского капитана родом из Убанги-Шари. Бокасса безумно рад назначению, но не дает ему покоя одна мысль: президентом стал кто?.. Дядя! Давид Дако, с которым у Жана-Беделя отношения складывались весьма странные.

«Мы еще посмотрим», — думает Бокасса,

демонстрируя дяде преданность и самые нежные родственные чувства. Демонстрирует до 1965 года. А затем, вспомнив о судьбе Наполеона, задается вопросом: «А почему, собственно, не стать Первым?» Пусть в ЦАР, а не во Франции, но ведь и не консулом. И в новогоднюю ночь на рубеже 1965 и 1966 годов преподносит дяде сюрприз. После вялой перестрелки с несколькими охранниками своего родственника свергает его и провозглашает себя президентом. Первое время он скромнен, подтянут, не забывает называть себя «солдатом Франции» — в общем, старается произвести выигрышное впечатление.

Ну, а затем...

«Съезд своего политического противника» — эта идиома явно доисторического происхождения бытует во многих языках. Бокасса удалось вернуть ей примитивно-изначальный смысл. На суде в Банги, закончившемся полным поражением французских защитников, выяснились фамилии по меньшей мере 20 человек, украсивших монарший стол. Среди них — министры и оппозиционеры, представители собственной секретной службы и даже единственный в стране профессор математики. А сколько Бокасса съел, так сказать, анонимно?..

Впрочем, предоставим слово его повару.

Из показаний Филиппа Лингвисси на процессе в Банги: «Как-то ночью император велел мне приготовить завтрак. По его приказу солдаты открыли секретный замок огромного холодильника. Я чуть не упал в обморок — в морозильнике лежало разрубленное тело. Хотел отказаться, но меня припугнули. Тогда я выполнил приказ — удалил внутренности, нафаршировал тело рисом и хлебом, поперчил. Жарил на огромном противне, поливая джином. Утром подал блюдо императору, который всю ночь пил. Он начал с рук, ел с удовольствием, причмокивая».

В числе других «доказанных преступлений» — многочисленные убийства, самолические попытки политзаклоченных, изнасилования, расхищение государственных средств в астрономических суммах и многое-многое другое.

Следует сказать, что особенно усердствовал Бокасса в своих развлечениях и деловых операциях, уже добившись главной своей цели. Да, он сравнялся со своим кумиром, не славою, конечно, но титулом — стал императором.

Очевидцы до сих пор вспоминают коронацию. Шел декабрь 1977 года. Центр Банги был разукрашен флагами и портретами «отца нации», транспарантами, призывающими к всеобщей любви и взаимопомощи, цветочными гирляндами и неведомыми до тех пор гербами.

Бронзовый трон, выкованный во Франции, скипетр, лавровый веник и корона с брилли-

ТОТ САМЫЙ ЖАК КАМБ

Позвонили из дружественного еженедельника:

— У нас гостит Жак Камб. Он хотел бы посетить «Крокодил».

— Тот самый Камб?

— Тот самый...

— Ждем! — ответили мы и тут же стали заваривать фирменный крокодильский чай.

Честно говоря, наш вопрос относительно «того самого» был лишним, ибо Жак Камб один. Другого нет. А этого знают во Франции все — и взрослые, и дети. И если последние любят рисунки знаменитого карикатуриста все поголовно, то со взрослыми сложнее: одни любят, другие боятся, третьи...

— Да, да, — говорит месье Камб, прихлебывая чай, — политическая карикатура — дело не безопасное. Однажды я даже был осужден во время алжирской войны...

Он много и плодотворно сотрудничал с газетой французских коммунистов «Юманите», его рисунки, острые, веселые, любят читатели «Ви увриер», «Канар аншене»,

ВАРИАНТ «КОРОЛЕЙ И КАПУСТЫ»

(совсем не по О. Генри)

антами, платье для супруги монарха — все было точь-в-точь как на коронации кумира. И сама церемония была скопирована с наполеоновской — 120 музыкантов играли туш, десять фрейлин несли шлейф императрицы. Уверенным движением монарх сам водрузил корону на собственную голову. Не было ни малейших отступлений от «исторического прецедента» и в меню обеда на 450 персон. Впрочем, на одном отличии Бокасса настоял сразу же и бесповоротно — приветствовать его любящие подданные обязывались шестью маленькими шажками с подскоком и полупоклоном. Все вместе обошлось казне ЦАР в 200 миллионов долларов — четверть годового бюджета. Сегодня в Париже не любят вспоминать, что в подарок «солдату Франции», как в те дни именовал себя император, был отправлен королевский подарок — шерстка белых лошадей.

А сразу после коронации начинается настоящая вакханалия насилия как на политической, так и на сексуальной ниве, обильных алкогольных возлияний с придворными и французскими визитерами. В Париже считают, что не один гость двора его величества испробовал человечины, выдаваемой хитрецом-императором за «особую разновидность антилоп, еще встречающихся в империи». В дни после коронации не только наполеоновская слава не давала покоя Бокассе. Временами он, видимо, мнил себя и Нероном. Иначе как еще объяснить его приказ поджечь столицу своей империи (к слову, выпившие гвардейцы, к негоднованию монарха, с этой задачей не справились). Тем временем общая сумма похищенных Бокассой средств превысила три миллиарда долларов, а число жертв стало пятизначным. Но думается, что он бы устоял, если бы не позволил себе того, чего не прощают, — недуманные выпады в адрес своих же покровителей, разные внешнеполитические реверансы в сторону соперников прекрасной Франции по колониальному грабежу.

В Париже Кто-то Очень Серьезный и Влиятельный сказал: «Довольно». И через несколько часов поднятые по тревоге десантники в красных беретах, дружески поругиваясь, занимали места в десантных самолетах на базах Южной Франции. Это было начало операции «Барракуда». Этому Влиятельному Кому-то не откажешь в своеобразном остроумии.

Через несколько часов французские десантники уже хозяйничают в центре Банги. Взрывчаткой вскрывают сейфы с личной перепиской Бокассы. Известный читателю дядя Бокассы Давид Дако, предсудометрительно захваченный десантниками и летевший в одном из самолетов (правда, в грузовом отсеке), довольно профессионально рассказывает жителям бывшей империи, вновь ставшей республикой, о «восстановлении де-

мократии и свержении тиранической диктатуры».

Казалось бы, порок в лице Бокассы должен быть наказан. Но реальность сложнее сказочной фабулы. Красноберетчики даже не пытаются воспрепятствовать спокойному отлету монарха, прихватившему увесистый саквояж бриллиантов и массивную корону, на собственном самолете «в неизвестном направлении». А вскоре он обнаруживается в собственном же замке Ардрикур близ Парижа. Где, как и положено отошедшему от дел императору, отдает себя разведению капусты. Франция начала XIX века любила Наполеона. Французские правящие круги на рубеже третьего тысячелетия возлюбили «своего капитана», мини-бонапарта Бокассу. Вот такая диалектика.

Время от времени овощная идиллия омрачается сообщениями во французских газетах о частых посещениях Ардрикура агентами различных французских спецслужб и разговорами капитана в отставке о слишком маленькой пенсии для «французских ветеранов». Продолжается все это до осени прошлого года, когда Бокасса неожиданно объявляется в Банги, где до этого был приговорен дядей к смертной казни. Там приближенные дяди хватают его и отвозят на французскую военную базу. А еще через месяц начинается процесс.

На что рассчитывал отставной капитан французской армии? Зачем оставил он милые сердцу капустные грядки и французских красавиц? По мнению повара Бокассы, экс-монарх вернулся потому, что в Ардрикуре «не имел возможности лакомиться человечинной». Кто знает... Некоторые французские журналисты считают, что экс-монарх пал жертвой одного из невероятно запутанных конфликтов между французскими спецслужбами. Об этом писал, в частности, еженедельник «Эвенман дю жеди». Сам же Бокасса, видимо, надеялся, что истосковавшиеся по его причудам подданные устроят ему встречу как Наполеону, вернувшемуся с Эльбы. Какого из этих версий верна, время покажет.

...Огромная бронзовая статуя, свергнутая с пьедестала, полуразрушенные дворцы императора и императрицы, ворота из кованого железа, надельные ржавчиной, на одной из створок которых еще можно разглядеть стершийся герб — орла на фоне солнца, — так выглядит некогда блестящая резиденция Бокассы в Беринго. Бывший императорский дворец в 80 километрах от Банги разграблен. Два личных сейфа императора, развороченные французской взрывчаткой, — все, что осталось в зданиях. Побывав в Беринго, корреспондент агентства Франс Пресс — журналистов из других стран власти ЦАР пускают к себе очень и очень неохотно — заключил: «Так же неумолимо, как тро-

пическая растительность поглощает развалины дворца Бокассы, время уносит от нас кошмары его маниакальной тирании». Казалось, круг замыкается. Суд. Смертный приговор. Формально все так — Бокасса Первый стал и последним.

Но, во-первых, сам Бокасса еще здравствует, хотя и в тюрьме. И как повернет колесо его фортуны Кто-то Очень Серьезный и Влиятельный, никому не ведомо. А, во-вторых, процесс в Банги не повлиял, да и никак не мог повлиять, на причины, сделавшие реальностью и императора, и его режим. И то, и другое — прямые порождения неокolonизма. И при сохранении нынешней африкан-

ской политики Парижа, пытающегося привести к власти в странах Африки своих марионеток, трудно утверждать, что ужасы мини-империи не повторятся. Неокolonизмским кругам неважно, что у власти стоит маньяк, убийца, людоед. Главное, он не должен мешать монополиям вывозить алмазы, уран, ценную древесину и другие ресурсы, а «старшим партнерам» — строить любезные их сердцу военные объекты. В этом случае марионеткам готовы простить любые мании. И это основной вывод этого невегетарианского варианта на тему «Королей и капусты».

И. ИВАНОВ.

«Франс нувель», «Пифа»... Хорошо знают творчество Жака, да и самого этого человека в нашей стране и коллеги-художники, и читатели. На этот раз Камб гостил в СССР по приглашению еженедельника «За рубежом».

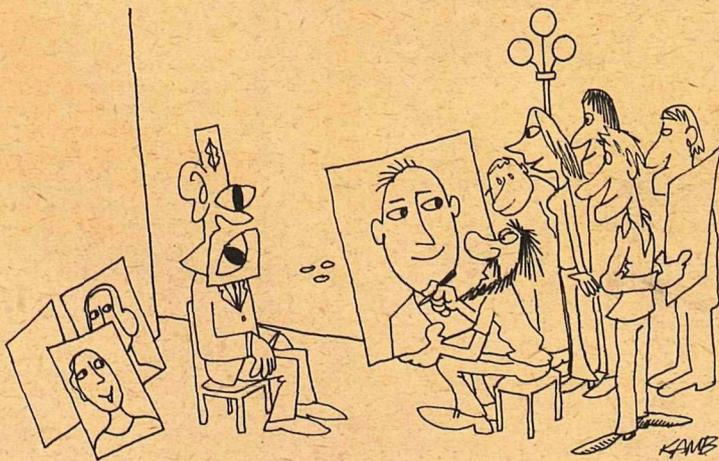
— Впечатления? — спрашивает Жак, улыбаясь (он хорошо, искренне, широко улыбается). — Их очень много.

— А рисунки?
— Их еще очень мало...
— Крокодил хотел бы...
— Надеюсь, что найдется что-то и для вас. Не люблю спешить. Но обещаю.

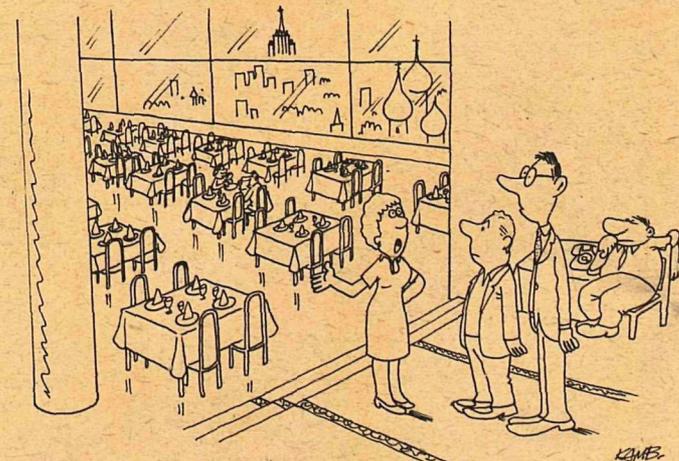
Много было выпито чаю, много вопросов задал нам Жак, но и мы в долгу не остались.

А пока шла эта увлекательная беседа, Владимир Мочалов набрасывал портрет гостя. И вот он перед вами — тот самый Жак Камб, наш друг и коллега. Рассказом о встрече с ним мы открываем в журнале новую рубрику «Гостиная».

P.S. Рисунки Жака появились у нас неделю спустя.

АРБАТ

— Нет, все столики уже заняты.

Перед последним Международным кинофестивалем в Москве мои друзья, как обычно, с завистью говорили: «Везет тебе, опять увидишь живьем всех иностранных «звезд». Но, честно говоря, сама себе в этом году я больше завидовала перед поездкой на Всесоюзный кинофестиваль в Тбилиси, хотя там у журналистов не было возможности ответить на ослепительную улыбку Депадарде или посидеть за одним столиком в кафе с самим Феллини. И потому сейчас, когда улеглись уже все страсти международного конкурса, мне хочется вернуться к разговору о нашем «домашнем», Всесоюзном кинофестивале. Его в этом году

лаقمусовая бумажка, выявили все сложные процессы медленного и болезненного преобразования нашего кинематографа.

Уже слышу раздраженный голос важных оппонентов — ну, что, мол, после драки кулаками размахивать, все давно забыли про отдельные недостатки, главное, что в Тбилиси действительно победила дружба и искусство. Искусство, к счастью, в Тбилиси действительно победило. Но говорить о недостатках, по-моему, никогда не поздно, хотя бы потому, что, из вежливости забыв про них сейчас, мы вынуждены будем констатировать их повторение на следующем фестивале, а он уже не за горами.

Хочется сказать и о своих братьях-критиках, к боевитости и прогрессивному настрою которых за последний год наша пресса уже приучила читателей. Вероятно, судейские полномочия «Ареопага» и должны были продемонстрировать на фестивале авангардистские позиции критиков. Но на этот раз именитые члены официального жюри, смотревшие программу в гордом уединении, и, как всегда, не ориентируясь на реакцию зрителей и мнение многочисленных коллег, оказались куда более передовыми в своих оценках. Вольный «Ареопаг» в пятерке лучших художественных фильмов назвал вслед за бесспорными «Покаянием» и «Долгими проводами»

Наталья ЛУКИНЫХ

ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА

РАЗМЫШЛЕНИЯ КРИТИКА О ПЕРВЫХ ПЛОДАХ ПЕРЕСТРОЙКИ В КИНО

профессионалы ждали не меньше Московского. А уроки его для нашего кино, думаю, оказались даже важнее.

Традиционный всесоюзный форум — по счету юбилейный, двадцатый, а по сути первый киносмотр эры перестройки — на сей раз не просто показывал годовую продукцию всех наших киностудий, а символически подводил итог творческой работы за год после V съезда кинематографистов. Съезда, объявившего борьбу всему застою, конъюнктурному и нехудожественному в киноискусстве. От нового фестиваля ждали прямо-таки революционных перемен и надеялись, что он совершенно не будет похож на прежние. На те помпезные годовые смотры, ставшие для кинематографистов шумными и суетными праздниками с хорошо отрепетированными «спичами» во славу отечественного искусства и с огромным количеством призов, которых хватало почти на все наши студии.

От Тбилисского конкурса ждали особой деловитости и взыскательности. Впервые оценивать программу по собственной шкале здесь получила право и коллегия критиков, высокопарно названная «Ареопагом». И, наконец, всем участникам и гостям фестиваля предлагалось сообщать на «Вольной трибуне» решить (или по крайней мере попробовать решить) сакраментальный вопрос: «Каким быть советскому кино завтра?»

То есть в Тбилиси все надеялись увидеть реальные плоды перестройки в кинематографе. Плоды, конечно, были, но ранние, незрелые. А в принципе старые традиции, или, вернее сказать, инерция, пока во многом оказались сильнее. И не потому, что хозяева допустили какие-то оплошности — их-то как раз стоит поблагодарить за гостеприимство. Дело в другом. К сожалению, недостатки фестиваля, как

Так вот, я никак не могу спокойно вспоминать о том, что конкурсный показ «Покаяния» Т. Абуладзе (получившего накануне несколько призов в Каннах, а позже и Главный приз XX Всесоюзного в Тбилиси) шел при полупустом зале, в основном для иностранных гостей, потому что совпал с праздничным концертом в честь открытия фестиваля. Про то, что вечер памяти Андрея Тарковского в Доме кино, на который трудно было прорваться всем желающим, «мешал» конкурсному просмотру сатирической ленты ленинградского режиссера С. Овчарова «Левша». Спектакль в знаменитом театре киноактера студии «Грузия-фильм», естественно, вынуждал отказаться от знакомства с новым фильмом армянского режиссера Ф. Довлатяна «Одинокая орешина». Ну, а соблазнительная поездка в виноградные сельские районы Грузии начисто лишала возможности увидеть проблемную ленту молдавского постановщика В. Жереги «Иона», получившую, кстати, приз жюри детских художественных фильмов.

По правде сказать, охватить всю конкурсную кинопрограмму было просто нереально, поскольку просмотры художественных, детских и мультипликационных, документальных и научно-популярных фильмов, как водится, шли в трех разных местах одновременно. Естественно, все эти организационные нестыковки постоянно рождали вопросы: а для кого и для чего, собственно, демонстрируются фильмы на наших кинофестивалях? Если их все советские зрители посмотрели в течение года в прокате, то зачем тогда вообще устраивать такие дорогие фестивальные удовольствия? Пусть соберутся где-нибудь в Союзе кинематографистов члены жюри из всех республик, обсудят, что лучше, что хуже, и вынесут решение. Можно даже и без призов обойтись. Дешево и убедительно.

Но мне тут же возражают, что всесоюзные кинофестивали, дескать, важное культурное мероприятие, которое устраивается для пропаганды советского киноискусства. Чтобы публика встречалась с создателями новых картин, задавала вопросы режиссерам, сценаристам, актерам. Так-то оно так. Но вот среди гостивших в солнечном Тбилиси кинематографистов большинство, как и прежде, составляли совсем не создатели конкурсных лент, а те, кто располагал временем для поездки на фестиваль. Прекрасно, конечно, что грузинская публика вновь имела возможность увидеть популярных наших актеров — Л. Гурченко, И. Мирошниченко, З. Кириенко, А. Ромашина и Б. Хмельницкого, однако их участие в фестивале никак не оправдывало отсутствие, например, Зинаиды Шарко, блестяще сыгравшей главную роль в призовой картине «Долгие провода», или других, более молодых исполнителей и режиссеров, еще не представленных зрителям.

шал любопытную историю под названием «ЛЮБОВЬ И КАРТОШКА».

Надо же было такому случиться — в разгар картофельной уборки мой приятель влюбился.

— Рискнул! — отважился он наконец и наметнул предмет своего обожания о необходимости свидания.

— Встретимся у клуба! — решила обворожительница. — Но учтите, ровно в 8 вечера. И прошу быть точным — терпеть не могу, когда мне приходится ждать. И когда долго ждуть меня, придя слишком рано, я тоже не люблю. Приходите минута в минуту!

— Постарайтесь привезти нас с поля вовремя! — взмолился мой приятель, объяснив ситуацию трактору. Тот почесал в затылке и задумался.

— Вишь, как получается, — пробормотал он через некоторое время, — если я двинусь сразу после окончания вашей работы и поеду со скоростью 15 км в час, то доставлю вас к клубу на 15 минут раньше. А если со скоростью 10 км в час, так опоздаю на 15 минут. Скажите точно, с какой скоростью мне лучше ехать?

— Сейчас посчитаю! — воскликнул инженер.

И свидание состоялось точно в срок, трактор с шефским прицепом появился у клуба, соблюдая все законы королевской вежливости. Не угодно ли, дорогие читатели, вычислить, с какой скоростью мчал мой приятель на первое свидание?

уже достаточно популярные новые ленты — «Плюмбум...», «Письма мертвого человека» и «Левшу». Зато картину молодого режиссера С. Бодрова «Не-профессионалы» («Казахфильм»), получившую в итоге специальный приз жюри «За нравственный и стилистический поиск», отрядил аж на 11-е место. Почему? Да потому, что у большинства членов «Ареопага» не нашлось ни времени, ни желания попросту посмотреть эту пронзительно правдивую ленту о проблемах контакта между разными поколениями.

Еще одно воспоминание связано с детским конкурсом. Официальное жюри высшую награду здесь присудило ленте С. Соловьева «Чужая Белая и Рябой» — «за суровый реализм и высокохудожественное осмысление темы нравственного и человеческого достоинства». А специальное жюри детского конкурса отметило «Курьера» К. Шахназарова — за то, что семнадцатилетний герой «этого в меру смешного и в меру серьезного фильма оказался очень похожим на своих сверстников из публики». Жаль, однако, что никто не догадался на фестивале спросить мнение самых маленьких зрителей — тех, кто безуспешно ждет экранной встречи с приключениями, сказками, комедиями для дошкольников. Про такую аудиторию наше «детское» кино, похоже, совсем забыло. Единственная специализированная студия имени Горького давно с головой ушла в изготовление коммерческих боевиков для зрителей старше 16 лет. Теперь вот ее перегибы надеется исправить новое творческое объединение «Семфильма» под руководством Р. Быкова. Что ж, подождем, а пока порадуемся успеху «Курьера», который окончательно «повзрослел» и удостоился чести получить серьезный приз уже не детского жюри на Московском международном кинофестивале (между прочим, опередил нашего участника только фильм Феллини).

Долгое время статьи о всесоюзных да и международных кинофорумах заканчивались оптимистичными фразами (такое впечатление, что они писали под копирку) о том, что в памяти зрителей и участников остались счастливые лица победителей конкурса, цветы и улыбки друзей. Не стану ломать традиции и тоже скажу об улыбках...

— Не могу забыть доброе лицо и грустную улыбку Кирры Муратовой, получившей Большой приз за свой фильм шестнадцатилетней (!) давности «Долгие провода». Грустная история этой награды — 15 лет назад здесь же, в Тбилиси, жюри V Всесоюзного кинофестиваля не допустило новый фильм Одесской студии даже для участия в конкурсе. Те, кто аплодировал нынешнему, выстрадавшему годами призу, помнили об этом и приветствовали режиссера стоя. А сама Муратова призналась с улыбкой, что счастлива, но не из-за запоздалого признания, а потому, что всегда получала удовлетворение от работы над фильмом. Сможет ли этот печальный урок уберечь будущие спорные картины от неоправданных запретов? Сумеет ли мы и впредь так красиво и публично признавать собственные ошибки?

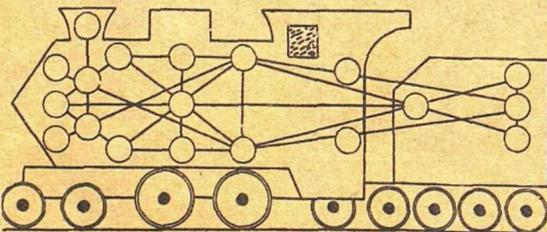
Не забывается также извинительная улыбка литовского режиссера Арунаса Жебрунаса. Член Большого фестивального жюри был вынужден при всем честном народе принять уникальный, но, прямо скажем, не самый почетный приз — «За трезвость самооценки». Литовская студия абсолютно серьезно награждалась за то, что впервые и единственная решилась не выставлять на конкурс очередную серую плановую картину. Не хотелось бы в этой смелой шутке жюри усматривать зарождение новой традиции. Тем более что возможных претендентов на редкостный тбилисский приз литовцев в программе фестиваля можно было назвать достаточно. Недаром все отчетливее звучали в кулуарах раздраженные вопросы: не пора ли сделать главным критерием отбора качество фильмов, а не территориальный принцип их создания?

Как видите, даже за улыбками фестиваля скрываются большие проблемы нашего обновляющегося в муках кинематографа. Проблемы, которые пока не удалось разрешить самым открытым фестивальным дискуссиям и не удалось сгладить самым развеселым фестивальным торжествам. Видимо, настоящие плоды перестройки еще зреют... Хотя пора уже превращать декларации в дела.

— Я все решил! — еще из-за двери завopil юный сосед Гена, трезвоня в квартиру Синицкого-младшего. Вот вам «Случай НА ОХОТЕ»: конец шарфа стал травой на верхнем острове; пуговицы на рукаве — пятнами окраски собаки; хвост утки — украшением шляпы; украшение ружья переместилось, наоборот, на утиное крыло, а рукоятка весла стала початком рогоза. А что касается «ЛЮБОПЫТНОЙ ВСТРЕЧИ», так из подсевших к нам на лавочку подруг старшей оказалась Надежда; Светлана молоде же ее на три года. Надеждиной Верушке 9 лет; двум другим детям одинаково — по два года. У Светланы же близняшки — шестилетки — старшие, а младшей дочке всего годик.

— Так-так! — довольно хмыкнул Синицкий, терпеливо выслушав взбодороженного соседа. — А знаете ли вы, мой юный друг, что с Надеждой я недавно опять встретился в электричке? И она предложила мне еще одну сугубо математическую задачку «ПОД СТУК КОЛЕС».

В пустые кружочки нужно вписать числа от 1 до 20 (за исключением 4) так, чтобы сумма чисел по каждой прямой была равна 39.

Между прочим, ехал я тогда навещать своего приятеля инженера, посланного в колхоз для оказания традиционной шефской помощи. Именно от него я услы-

— Здравствуйте, Иван Степанович,— трепетно пропел старший экономист Коклюшев, входя в кабинет начальника,— вызывали меня?

— Садитесь,— не поднимая головы, сказал Иван Степанович и продолжал что-то писать.

Коклюшев осторожно присел на самый краешек стула у стены. Сердце его колотилось так громко, что он с испугом посмотрел на блестящую начальственную лысину, в которой отражалась люстра.

По спине экономиста волнами перекатывался холодный щекочущий озноб, который всегда бил его на экзаменах, в начальственных кабинетах и при флюорографических исследованиях.

Иван Степанович все молчал, молча сияла люстра на его голове, и Коклюшев вдруг вспомнил, как на второй день после своего назначения Иван Степанович вызвал к себе завхоза. Тот вошел, поздоровался, а Иван Степанович ничего не ответил, продолжал читать какие-то бумаги. Так прошло минут десять, потом начальник сказал, так и не посмотрев на завхоза:

— Вы свободны.

Завхоз выполз из кабинета в предынфарктном состоянии, но лечь в больницу не успел, потому что на завтра все повторилось точно в том же порядке. Завхоз почти ползком добрался до своего загончика, рухнул во вращающееся креслице и застонал, обхватив голову руками.

Он продолжал стонать и дома, вяло отмахиваясь от жены, которая порывалась вызвать неотложку или на худой конец поставить ему горчичники.

Часа в три ночи его осенило. Он перестал стонать, встал на кровати в позе Наполеона и крикнул «ура!», поскольку не знал слова «эврика», и сказал жене, что ему срочно, сейчас же нужен плотник.

Жена заголосила и в одночасье поседела.

В четыре часа утра завхоз уже доставил на такси сонного плотника в кабинет Ивана Степановича и приказал немедленно вставить третьи рамы: кабинет выходил на шумную магистраль, и шум, надо думать, мешал Ивану Степановичу.

В полдень Иван Степанович в третий раз вызвал к себе завхоза и сказал веско:

— Я думаю, мы с вами сработаемся.

Очень любил эту историю Коклюшев, сто раз готов был ее слушать и каждый раз испытывал все тот же щекочущий озноб и восторг одновременно.

— Одну минуточку,— неожиданно сказал Иван Степанович.

— Ну что вы,— испуганно квакнул Коклюшев.

Иван Степанович вылез из-за стола и неожиданно сел рядом с Коклюшевым. Старший экономист вдруг сообразил, что впервые видит своего начальника в профиль. А то ведь фас да фас, да и то чаще снизу вверх, из партера в президиум. Профиль у Ивана Степановича был хотя и не римский, но все равно строгий.

— Так вот, товарищ Коклюшев, наверху есть мнение о всемерном развитии гласности,— почему-то вздохнул Иван Степанович.

Старший экономист испытал мгновенное облегчение, некую восторженную невесомость. Больше всего он боялся разноса за несоставленную справку о внедрении новой техники, а тут — гласность. Остро захотелось горячо одобрить, но удержала древняя чиновничья мудрость: никогда не рукоплещи до начальника.

А начальник еще раз вздохнул и сказал:

— Послезавтра у нас будет производственное совещание, будут представители сверху, и я хочу, чтобы в духе времени вы меня не-ли...— Иван Степанович сосредоточился и добавил: — ...цепри-ятно покритиковали.

— Помилуйте, Иван Степанович,— вскричал в страшном волнении Коклюшев,— вы же знаете, как я к вам отношусь, если можно так выразиться... я лучшего руководителя... представить себе не могу!

— Знаю,— кротко и печально сказал Иван Степанович, — поэтому и остановил выбор на вас. Демократию и гласность на самотек не пустишь, инициативу масс нужно уметь планировать. И острую критику в свой адрес я могу доверить только надежному человеку. Понимаете?

— Да, но...

— Обо мне говорят,— Иван Степанович сжал и разжал кулаки,— что я зажимаю критику...

— Да кто это...

— Есть, есть у нас демагоги. Вот я и решил поручить вам это важное мероприятие.

— Понимаю! — воскликнул Коклюшев, чувствуя, как покрывается юношеским румянцем от похвалы Ивана Степановича.— Но я... не смогу... язык не повернется...

— Мы все солдаты,— твердо сказал Иван Степанович,— куда надо, туда и повернется. Нельзя отставать от веяний. Вот вам текст, выучите наизусть, по бумажке теперь не выступают. И главное — никто не должен знать о нашем разговоре. Вы знаете, что такое конспирация?

— Как же, Иван Степанович, на Штирлице, можно сказать, воспитаны...

— Вот и прекрасно. Значит, строгая конспирация.

— Понимаю,— трепетно сказал Коклюшев,— под пыткой не выдам.

— До этого, будем надеяться, дело не дойдет,— усмехнулся Иван Степанович.— Идите.

Выступил старший экономист Коклюшев замечательно, говорил смело, горячо, ловя на себе удивленные и даже испуганные взгляды сослуживцев.

Иван Степанович слушал молча, грустно и скромно кивал, и даже недругу видно было, что человек перестроился и критику снизу воспринимает правильно.

Перед профсоюзным собранием Коклюшев долго думал, что делать. Может, хватит? Пошел раз грудью на амбразуру — пусть теперь другие выступают. Но, с другой стороны, он подведет шефа. Если б Иван Степанович посчитал, что он свой долг выполнил, он бы ему намекнул как-то.

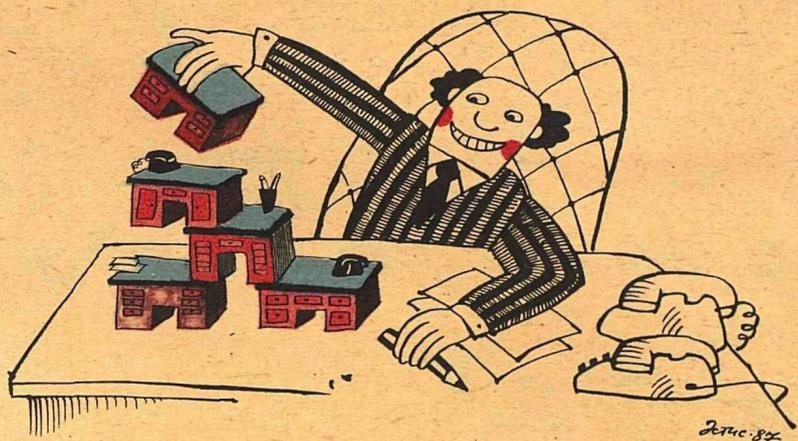
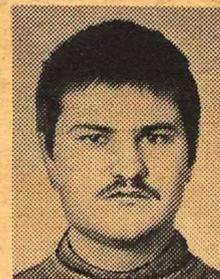
Скрепя сердце он снова выступил с критической речью, отметил неприятия Иваном Степановичем нового, медленную перестройку, слабую работу с кадрами. Ему много хлопали,

Так уж повелось: до сорока лет художник числится в молодых. А если ему всего-навсего двадцать три года? Как-то неудобно называть его молодым. Вроде бы рано.

Итак, юный Олег Николаевич Эстис успел сделать уже многое: окончил Московское художественное училище памяти 1905 года. Занимается книжной иллюстрацией, работает в издательствах «Молодая гвардия», «Радуга», «Просвещение». Постоянно печатается в журналах «Советский Союз», «Театр», «Наука в СССР». И, конечно, в «Крокодиле».

Участвовал во многих внутрисоюзных и зарубежных выставках. На недавней международной выставке в Софии «Война войне» удостоен первой премии.

Поздравляя Олега с успехом, мы публикуем два новых рисунка лауреата.

а Иван Степанович криво усмехался и выстукивал что-то пальцами по столу.

Через два дня Коклюшеву объявили выговор за не составленную вовремя справку. Он с улыбкой расписался в книге приказов. Молодец Иван Степанович, думал он, сразу видно: настоящий конспиратор. Тонко ведет, никто теперь и не заподозрит, что они в сговоре. На душе у него полегчало. Приказ был явно тайным знаком одобрения. Не хотелось ему, но нужно продолжать игру, ничего не поделаешь. Он буквально насильно заставил себя выступить на летучке и сказать об устаревшем стиле руководства Ивана Степановича.

Выступая, Коклюшев поглядывал на начальника, видел, как тот идет пятнами и только что не скрежещет зубами. Актер, думал он, конспиратор. Ему бы в Художественный театр...

Коклюшева лишили премии, якобы за опоздание, и сотрудники предупреджали его:

— Смотри, не забывай, что мы тут в тайге.

— Как это в тайге? — удивился экономист.

— Верушки шумят, а у нас тихо, только шишки иногда падают. Смотри, как бы тебя такой шишкой не прибило...

Но Коклюшев только улыбался с чувством превосходства. Воображал он себя одновременно и правой рукой начальства, и разведчиком, заброшенным во вражеский тыл.

При чем тут шишки, думал он, когда все идет по законам конспирации? Лишение премии было не только не обидно, но казалось даже актом доверия. Потом Иван Степанович его отметил, продвинул. Поймет, что это человек, на которого можно положиться. Он ведь так и сказал: вы надежный человек.

На следующей летучке Коклюшев отметил слабую подготовку мероприятия к переходу на хозрасчет.

Иван Степанович налил темной кровью, и правая бровь его запырнула, а сидевший рядом с Коклюшевым главбух как бы невзначай отодвинулся от него.

Назавтра Иван Степанович вызвал наконец к себе старшего экономиста.

— Помните наш разговор о конспирации? — как-то криво усмехнувшись, спросил он.

— Конечно! — радостно воскликнул Коклюшев и вспомнил, как в каком-то фильме наш мужественный разведчик возвращается наконец домой и светло улыбается.— Главное, чтобы никто ничего не заподозрил.

— Вот именно,— сказал начальник и странно посмотрел на Коклюшева.— Вы, я вижу, большой спец по части конспирации. Вот и скажите: что, по-вашему, должен сделать начальник с подчиненным, который раскладывает его на каждом совещании и так, и эдак? Причем чтобы поступок его при этом выглядел совершенно естественным? Молчите? Тогда я вам подскажу: пишите заявление.

— Как-к-ое? — с трудом прокукарекал Коклюшев.

— Так-к-ое,— передразнил его Иван Степанович,— не о материальной помощи, конечно. О переводе на филиал. И скажите еще спасибо, что не об увольнении по собственному. Учить и учить вас настоящей демократии...

Старший экономист устался на листок бумаги, который положил перед ним начальник. Он хотел было взять покорно ручку, но вдруг неведомая сила подбросила его со стула.

— У меня другое предложение! — крикнул он чужим голосом.— Для настоящей конспирации я поставлю вопрос о выборе нового начальника! Поняли?

ЮБИЛЕЙ ПОЛОВИНЫ ТОЛСТОЕВСКОГО...

Творчество классиков нередко сравнивают с айсбергом: есть большая невидимая часть, скрытая архивами, черновиками, записными книжками... И писатель, чей 90-летний юбилей мы сегодня отмечаем, — Илья Ильф — в этом смысле не исключение. И единолично, и в соавторстве с Евгением Петровым он оставил, помимо готовых произведений, вещи несовершенные, даже, как говорили раньше, «непроходимые». Или просто не предназначенные для печати — таков, например, веселый альбом, куда Ильф во время одной поездки на юг вклеивал и вписывал разные экзотические разности. Оттуда — несколько рисунков на этой странице...

Ильфа и Петрова при жизни и после много критиковали. Раздавались голоса: «Будь они живы, то отrekli бы от своих романов...» Шустрые пророки рьяно увеличивали тем самым скрытую часть айсберга... Хвала читателю! Он имел на сей счет свое, особое мнение — и оно победило!

Одному американскому журналисту, вознамерившемуся определить Ильфа и Петрова в антисоветчики, я сказал: «Ильф и Петров были за Советскую власть: они об этом писали и это доказали. А их сатирические персонажи — это все, что мешало нашему народу, — косность, отсталость, темнота, консерватизм».

Автор «Двенадцати стульев», «Золотого теленка», рассказов и фельетонов — Ильф. А также Петров. Кто больше, кто меньше — вопрос бессмысленный, потому что в этих произведениях они едины. Как один псевдоним, которым подписывали многие свои вещи Ильф и Петров — «Ф. Толстоевский». А стало быть, каждый юбилей Ильфа — это для нас юбилей и Петрова. И, конечно, наоборот...

А. ВУЛИС, доктор филологических наук, профессор.

ПРАЗДНИК ВЕСНЫ

Поделиться своими воспоминаниями мы попросили Г. Н. Мунблита, дружившего с Ильфом и Петровым все последние годы их жизни. Он работал тогда в «Литературной газете», где была напечатана его статья о «Золотом теленке» — большая и вполне восторженная, что не могло не тронуть частенько обижаемых в ту пору авторов.

Вспоминая об их знакомстве и о беседах, какие они вели с И. Ильфом, Георгий Николаевич рассказывает:

«Как всякий начинающий критик, я был очень заносчив. И однажды Ильф, выслушав очередное мое поучение, не выдержал.

— Давайте условимся, — сказал он. — Отныне вы будете поучать, а я смиренно учиться у вас разуму. Ладно?

Нужно ли говорить, что это было мое последнее «поучение»!

Вспоминаю, как Ильф придумал такую игру: называлась фамилия очередного баловня судьбы из модных тогда литераторов, и за этим следовала цифра «переплаченных» ему рублей. Цифры были немалые.

— Сто тысяч! — восклицал Ильф. — Шестьсот рублей! Тысяча!

— А как со мной обстоит дело? — забеспокоился я.

— Переплатили рупь двадцать! — последовал ответ.

Ильф не был записным остроумцем. Его шуточки скорее напоминали не отшлифованные золотые изделия, а золотиносную руду, и порой смысл его умных, точных слов доходил не сразу, а после, когда время смывало с них лишнее.

Как писатели Ильф и Петров, несмотря на их популярность, были беззащитны, очень ранимы и никогда не принадлежали к касте «неприкасаемых», то есть тех, кто всегда сочинял правильно, то, что нужно, а потому был любим и обласкан.

Когда появилась «Одноэтажная Америка», ее никто не хотел печатать. В те времена объективность в писаниях об Америке была не в чести, а Ильф и Петров сочинили правдивую книжку, и им нелегко было уговорить редакцию напечатать ее.

Время было трудное, и после выхода «Одноэтажной Америки» авторы стали ждать критического «кирпича», который не замедлил упасть. В тот день утром Ильф позвонил мне по телефону с почты в Лаврушинском переулке и сообщил, что «Известия» напечатали разгромную рецензию некоего Просина. Ильф был очень печален, и я не знал, как утешить его. И лишь несколько лет спустя понял, что недооценивал его жизнестойкость и оптимизм. Разбирая записные книжки Ильфа после его смерти, я нашел запись, сделанную им в тот самый день:

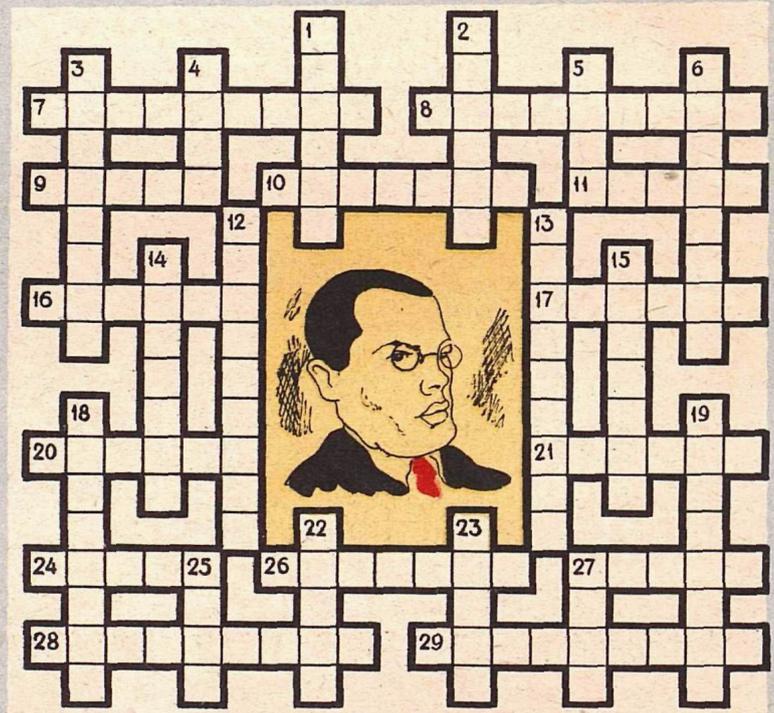
«Сквозь лужи Большой Ордынки, подымая громадный бурч, ехал на велосипеде человек в тулупе. Все дворники весело кричали ему вслед и махали метлами. Это был праздник весны».

КВК «ИЛЬФА ИЛЬФ. ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Лучшие борды в стране собрались на ... 8. Я не художник слова. Я ... 9. Муки человека, бросившего ... Мысли о плачевной участи табачной промышленности. И так в жизни мало радостей. Жаль благородного занятия, чисто мужского и мужественного. 10. Вечером в субботу, когда все требуют полбутылки, барышня капризным голосом спрашивает: — Есть у вас консервированный ...? 11. ... умирает и беспокоится, почему с ним не заключают ангажемента. Чтобы его успокоить, приезжает директор лучшего театра и подписывает с ним невероятный контракт. ... выздоравливает и получает неслыханный гонорар. 16. Ассоциация парикмахеров «Синяя ...». 17. Когда я взглянул в этот ..., то сразу увидел, что ничего не выйдет. Это был ... на раздачу квартир, а нужен был ... людей, умеющих работать. 20. Экстракт против мышей, бородавок и пота ног. Капля этого же экстракта, налитая в ... воды, превращает его в водку, а две капли — в коньяк «три звездочки». 21. ... потухающей скlopки. 24. ... Абрамович Годунов, председатель жилтоварищества. 26. ... сквернослов. 27. «Собирайте ... своих друзей — это утиль». 28. Оперный певец хороший, но плохо играет. И только роль Германа ему удается, потому что он страстный ... 29. Ангел... печати.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Как скучно быть кариатидой, подпирать какой-то некрасивый ... 2. Плохой сбор. ... зала. Публика делит лучшие места. Выбирают хорошие и покидают их для еще лучших. 3. ... скульптор. 4. «В ночной тиши слышен был только ... лбов». 5. Поэтические имена — ... Муза. 6. Я как коммерческий ... тоже отвечаю за идеологию. 12. За ... со львами — царями пустыни. 13. Пожаром признается всякое ..., происшедшее от огня, какие бы причины его ни вызвали. 14. К концу вечера ... переменяла костюм и оказалась в голубой пижаме с белыми отворотами. Мужчины старались не смотреть на хозяйку. Глаза хозяйка сверкали сумасшедшим огнем. 15. Холодный ...

18. По случаю учета шницелей ... закрыта навсегда. 19. «В погоне за длинным рублем попал под автобус ... Графинский». Заметка из отдела происшествий. 22. У старушки узкий ..., как у копилки. 23. Толстый миллиард приехал в ..., провел весь день в миллиардной, стуча шарами,

а к вечеру уехал, заявив: — Я здесь не могу жить. Горы меня душат. 25. В Колоколамске жильцы выпороли жильца за то, что он не тушил ... в уборной. 27. — Кина не будет! — раздался ... на докладе, и зал опустел.

Составил В. ШЕНДРИК.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 28

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Хоровод. 3. Ванна. 4. Рынок. 7. Фармацевт. 10. Страх. 13. Галоп. 15. Аукцион. 16. Карман. 17. Голова. 19. Перевод. 20. Капля. 22. Школа. 26. Коромысло. 27. Икона. 28. Тыква. 29. Рубашка.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Хазар. 2. Дрова. 3. Валет. 5. Кашпо. 6. Царица. 8. Баркарولا. 9. Занавеска. 10. Скорняк. 11. Муравей. 12. Волосок. 14. Пилетка. 18. Ведьма. 21. Алиби. 23. «Лейка». 24. Комар. 25. Плита.

«ПРИКАЗЫВАЮ:

За нарушение правил внутреннего трудового распорядка, выраженное в неоднократном появлении на рабочем месте, слесарю отдела № 15 тов. Матюшину В. П. объявить выговор

и лишит премии за январь месяц на 100 %.

(Из приказа).

Прислал В. Акимов, г. Москва.

«Автобус на Судогду рейсом 15.10 с билетами 15.20 отправится в 15.25».

(Объявление).

Прислал В. Сиднихин, Кировская область.

«Сначала проходят безвозмездные мужчины, потом платные женщины».

(Объявление на станции переливания крови).

Прислал В. Белугин, г. Усть-Каменогорск.

«Продается доёная коза».

(Объявление).

Прислал Г. Кручер, г. Москва.

Коломенский опытный мяскокомбинат

КОТЛЕТЫ
МЯСО КАРТОФЕЛЬНОЕ
ПО-БЕЛОРУССКИ

Вес котлеты — 100 граммов

Прислал В. Власов, г. Коломна.

Синити ХОСИ (Япония)

ПОДАРОК НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Началось все безобидно... Одна молодая мать получила по почте разноцветный проспект какого-то нового товара. Оказалось, что это рекламировался автоматизированный универсальный воспитатель, полностью заменяющий ребенка родителей. Вещь, конечно, удобная, но, может быть, слишком дорогая? Однако цена не указывалась. Отец ребенка предложил:

— Можно купить в рассрочку, я думаю. Запросим фирму, а там видно будет...

Но вместо ответа из фирмы прислали автомат — новенький, блестящий, очень красивый. Видно, в фирме решили, что раз интересуются такой вещью, значит, в семье уже есть ребенок. А самое главное — автомат прислали бесплатно!..

Посомневавшись для приличия, молодые родители решили, что автомат оплатило правительство, пекущееся о подрастающем поколении, и доверили своего ребенка новому воспитателю. Последние сомнения исчезли, когда они узнали, что такие автоматы уже появились и в других семьях.

Автомат-воспитатель прекрасно заменял мать. Кормил, поил, пеленки менял, сказки рассказывал — очень нравоучительные. А вредных мыслей не внушал. Он настаивал мягким проникновенным голосом: «Делать следует то-то и то-то...» Если ребенок не слушался, воспитатель не больно, но все же чувствительно шлепал его. Совсем как мать. Правда, дети при таком автоматизированном воспитании получались слишком уж одинаковыми... зато от них не приходилось ждать чего-либо непредвиденного.

Прошли годы, воспитанники автоматов влились во взрослое общество, стали работать. И все было бы как обычно, если бы не мягкий проникновенный голос, который все чаще и чаще внушал по телевидению и радио: «Следует покупать такие-то товары такой-то фирмы... Следует голосовать за такого-то кандидата...» Слова были, в общем, обычные, а голос... Это был голос, близкий и знакомый миллионам людей с детства, голос, послушаться которого они не могли.

Люди покупали и голосовали...

Перевел Л. КЛИМЕНТЬЕВ.

Юмер МИНДЖОЗИ (Албания)

МИНИАТЮРЫ

— Рад, что тебя встретил, Адем, — обнял меня драматург Демлиш, когда встретил на улице. — Я тебе расскажу о поистине возмутительных вещах!

— Слушаю тебя внимательно.

— Это не только возмутительно, но даже просто абсурдно! Целый год писал пьесу и наконец-то завершил. Все герои положительные, а наши пресловутые критики — все до одного! — написали отрицательные рецензии!

— Вы частый гость у нас. Что вы думаете о нашем заведении? — обратился ко мне однажды директор ресторана.

— Прежде всего хотел бы сделать комплимент вашему меню.

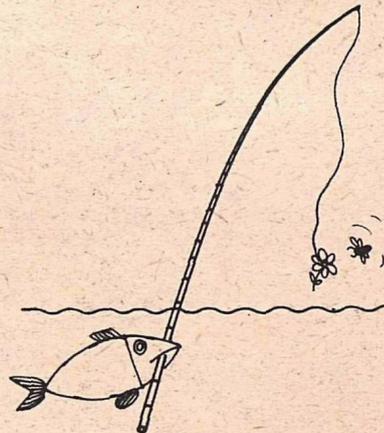
— Отлично! Тогда, если это вас не затруднит, сделайте запись в Книге посетителей.

Я взял Книгу и написал следующее: «Уважаемое меню! Выражаю Вам свое восхищение по поводу того, что вот уже несколько лет я не нахожу в Вас никаких перемен!»

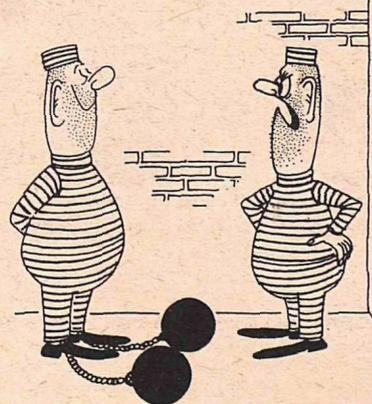
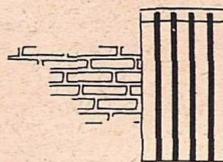
Перевел Игорь ИЛИНГИН.

«Урзика», Румыния.

«Панорама», Италия.

— Скажи мне, ты мог бы хоть здесь не воровать?

«Биллед бладет», Дания.

Слова, слова...

Инквизиция боролась с тьмой средневековья: жгла костры.

Из объяснительной записки Торквемады.

В потемках подмывает говорить шепотом.

Из воспоминаний очевидцев.

Обеспечим всех вопиющих пустынями!

Призыв старожилых Сахары.

— Алло! До каких пор у меня будет протекать потолок?! Еще полгода назад я оставил у вас заявление о ремонте крыши.

— Позвоните, пожалуйста, по телефону 88224.

— Это ваш управляющий?
— Нет. Это бюро погоды.

После свадьбы жених признается невесте:

— Дорогая, я еще не все тебе рассказал о себе... Я плачу алименты на двоих детей.

— Ничего страшного, дорогой, я ведь получаю алименты на двоих детей.

Председатель комиссии, проверявшей одну из городских тюрем, говорит ее директору:

— Впервые вижу, чтобы заключенные были довольны пребыванием в тюрьме.

— Это объясняется тем, что мы для них организуем самые разнообразные мероприятия.

— И какое же из них самое популярное?

— День открытых дверей...

Психиатр спрашивает пациента:

— Бывают ли с вами случаи, когда вы слышите чей-нибудь голос, но не знаете, кто это говорит и откуда?

— Да, бывают. И довольно часто.
— Интересно, очень интересно.

Надо будет рассказать об этом своим коллегам, — скорее про себя говорит доктор. — И когда все это с вами случается?

— Всякий раз, когда звонит телефон и я слышу в трубке незнакомый голос.

Возмущенный пассажир обращается к дежурному по вокзалу:

— Не пойму, к чему здесь висит расписание поездов, если они все равно опаздывают?!

— А как бы вы узнали, что ваш поезд опаздывает, если бы этого расписания не было? — отвечает ему дежурный.

— Недавно я чуть не умер от страха, — говорит Мартин своим друзьям в одной компании. — Представьте себе, иду я по лесу и вдруг вижу — змея!

— И что?! — испуганно вскрикивает одна из женщин.

— Ничего. Присмотрелся получше и увидел, то это всего лишь обычная палка.

— Не понимаю, почему вы в таком случае испугались? — спрашивает кто-то из присутствующих.

— Потому что палка, которую я схватил, чтобы убить эту тварь, оказалась змеей!

Из журналов «Дикобраз» (Прага, ЧССР), «Рогач» (Братислава, ЧССР) и «Еж» (Белград, СФРЮ).

КРОКОДИЛ

№ 29 (2579)
октябрь 1987

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ
1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.

Редакционная коллегия:
М. А. АБРАМОВ,
Ю. Б. БОРИН,
А. Е. ВИХРЕВ,
А. Б. ГОЛУБ,
О. М. ДМИТРИЕВ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
М. Г. КАЗОВСКИЙ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
В. Г. МОЧАЛОВ
(художественный редактор),
В. В. ПЕСКОВ,
В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ
(ответственный секретарь),
Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ
(зам. главного редактора),
А. А. СУКОНЦЕВ,
Л. Л. ФЛОРЕНТЬЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
(зам. главного редактора).

Технический редактор
Л. И. КУРЛЫКОВА.

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, В. Владов, Р. Друкман, В. Мохов, И. Норинский, В. Тильман.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.

НАШ АДРЕС:
101455, ГСП,
Москва, А-137,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Сдано в набор 10.09.87.
Подписано к печати 18.09.87
А 04778.

Формат бумаги 70 × 108½.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Уч.-изд. л. 4,54.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Тираж 5 300 000 экз.
(1-й завод: 1—2 699 704).
Изд. № 2667. Зак. № 1286.

© Издательство ЦК КПСС
«Правда».
«Крокодил». 1987.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС
«Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

И ВЕЩА И РЖАВЧИНА

ВСЕ О...
ЗНА...
ОБЩАЯ ПАЛАТА

МЕСТА ЗАПОВЕДНЫЕ

НАЙДИТЕ РАЗЛИЧИЯ

ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ
ЦЕРКОВЬ ПОКРОВА
в селе УДИНО
построена в 1834 году
Охраняется государством

Увидев издали сию скорбную картину, праздный созерцатель, прогуливающийся вдоль Рогачевского шоссе (Дмитровский район Московской области), пожалуй, всплеснет руками:
— Этакое чудо архитектурной мысли — и былшем поросло! И ведь никто не знает, какой храм гибнет! Вот и ошибется товарищ. Очень даже все знают и скрывать не собираются: гибнет памятник первой половины XIX века. О чем и надпись сообщает.

А вот чем отличается просто гибель от гибели, так сказать, под флагом инспекции по охране памятников, очень бы хотелось знать.
Фото Р. МИХАЙЛОВА, г. Москва.

ВЕСТНИК ДЕФИЦИТА

МИНУС НА МИНУС

Как известно нам со школьной скамьи, минус на минус неизбежно дает плюс. Однако в преддверии грядущей зимы кое-кто из наших читателей пытается это правило опровергнуть, утверждая, что минусовая температура ноября — декабря в сочетании с минусом необходимых зимних причиндалов никакого плюса не обещает.

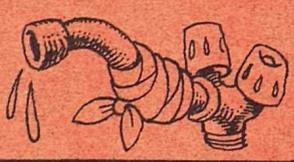
КУРГАН — ВОЛОГДА. Популярность сибирского валенка была когда-то так велика, что даже вошла в поговорку. И, увы, только в поговорке сейчас его бывшая слава и сохранилась. Потому что, как сообщает наш читатель из Кургана Н. Чижицкий, сейчас обнаружить хотя бы одно валяное изделие в магазинах практически невозможно. «Может, застряла вся исконная дедовская, в наших краях не заменимая, обувь где-то на Севере? — интересуются сибиряки. — Может, до нас она просто не доходит?»
Можем заверить: ничего подобно-

го. В Вологодской области, по информации электромеханика М. Котина из Устюженского района, валенок в свободной продаже тоже нет, даже «неподшитых стареньких».

ЗЛЯТОУСТ. Вот-вот настанет на Южном Урале снежная пора. А с ней — и время «вострить лыжи». В отношении снега, по всем прогнозам, затруднений не предвидится. А вот «вострить» — нечего. И следа не осталось в городе от привычного для уральцев деревянного спортивного инвентаря. Бывают, правда, лыжи, но исключительно пластиковые, в два-три раза дороже обычных. А малышне от семи до тринадцати и вовсе плохо: им-то лыжи нужны не только для свободного отдыха, а и для обязательной школьной физкультуры. Например, четверем внукам Р. Давыденко, проинформировавшей нас об этой проблеме, грозят неизбежные минусы в журнале, а кататься вместо лыж на грядущих «парах» ребятам вовсе не улыбается.

ПРИБРЕТУ ЗА ЛЮБЫЕ ДЕНЬГИ

обыкновенный смеситель для мойки.
Просьба: смесители Верхнеднепровского чугунолитейного завода имени 1 Мая не предлагать, так как я уже приобрел три смесителя данного завода, и все три протекают.
С предложениями обращаться в Минск, Главпочтамт, до востребования, В. Куктинскому.

РЕКОМЕНДУЕМ

ОПЫТ
Торговый салон «Все для женщин» открыт в г. Овруче Житомирской области на третьем этаже универмага.
Новому человеку салон в диковинку, а местным поднадоело, почти перестали сюда ходить. Существует это заведение уже 14 лет, с того времени, как горторг открыл в универмаге салон для женщин, да вентиляторы установить не удалось. Получился салон-парилка. Для полного комфорта не хватает только оригинально смонтированного музыкального сопровождения. Представляете, как бы украсили ситуацию непревзойденный магомоевский голос: «Баня парит, баня правит!», потом Сибирский народный хор: «...парься — не ожгись, поддавай — не опались, с полка не свались». И — все вместе: «У-у-ух!» Вот бы дело пошло!
Делясь опытом торгово-коммунального обслуживания граждан, работающие в заведении Нестерчук, Юрьева, Соболюк и еще 11 человек, весь обслуживающий персонал, приглашают в гости И. Куликова, нашего читателя, и других любителей сухого пара из г. Пензы — косточки попарить: у них там в местной бане № 4 парилка не работает.

ОБЪЯВИТЬ ВСЕСОЮЗНЫЙ РОЗЫСК?

СОВХОЗ «Мискинджинский» Дагестанской АССР ищет шорника — человека, умеющего мастерить конскую упряжную сбрую. Хотел было совхоз подстраховать своих железных коней живой тягловой силой, купил для лошадей четыре пароконных хода (телеги), да попал с покупкой впросак, выбросив на ветер 800 рублей: как утверждает А. Самурли, весь южный Дагестан объездили — сбрую не нашли.
«На худую сбрую плохой и выезд», — говорили в старину. А тут какой уж выезд? Никакого!

НОВОСТИ СЕЗОНА

«Там, где пехота не пройдет И бронепоезд не промчится...»

Иллюстрируя строки одной солдатской песенки минувших годов этим видом улицы Нововокзальной, что в поселке Кесова Гора Калининской области, слесарь-наладчик Р. Локалов от имени односельчан с умилением констатирует: внуки и правнуки того легендарного поколения тоже не лыком шиты. С декабря прошлого года им ничем преграды и похлестче этих, что на снимке. С того времени, как экскаватор, прокладывая траншею под канализационные трубы к строящемуся дому работников нефтеперекачивающей станции Инякино,

вскрыл уже подготовленное к твердому покрытию полотно дороги. И вскоре сам увяз, не в силах выбраться ни зимой, ни весной.

В июне экскаватор спасли. Отремонтировали... Прошло лето, на исходе осень, но все ждет и ждет с понедельника на понедельник прораб участка тов. Жданов из СУ-4 «Межнефтегазстрой», базирующегося в Ярославле, рабочих на объект: неприступна для них оказалась Кесова Гора, застряли где-то между Ярославлем и Калинином. Увязла на неопределенный срок и запланированная еще на 1984 год сдача самого дома.